

DIGITAL LAW JOURNAL

Vol. 2, No. 2, 2021

WELCOME NOTE

- 8 The United Nations (UN) Team in Russian Federation
Vladimir Kuznetsov

NOTE

- 10 The UN Secretary-General on the Global Digitalization and International Cooperation
António Guterres

ARTICLES

- 14 Deconstruction of the Legal Personhood of Artificial Intelligence
Semen Stepanov
- 31 Regulation of Robotics: Analysis of Leading Countries' Experience
Oleg Pichkov, Alexander Ulanov
- 45 On the Issue of Digitalization of Labor Relations: Theoretical and Practical Aspects
Natalya Potapova, Andrey Potapov

BOOK REVIEW

- 65 Intellectual Property Law: In the Hands of Artificial Creator
Natalia Kozlova

DIGITAL LAW JOURNAL

Journal of research and practice

Published since 2020

4 issues per year

Vol. 2, No. 2, 2021

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Научно-практический журнал

Журнал издается с 2020 г.

4 выпуска в год

Том 2, № 2, 2021

Contents

Welcome Note

- 8** The United Nations (UN) Team in Russian Federation
Vladimir Kuznetsov

Note

- 10** The UN Secretary-General on the Global Digitalization
and International Cooperation
António Guterres

Articles

- 14** Deconstruction of the Legal Personhood of Artificial Intelligence
Semen Stepanov
- 31** Regulation of Robotics: Analysis of Leading Countries' Experience
Oleg Pichkov, Alexander Ulanov
- 45** On the Issue of Digitalization of Labor Relations:
Theoretical and Practical Aspects
Natalya Potapova, Andrey Potapov

Book Review

- 65** Intellectual Property Law: In the Hands of Artificial Creator
Natalia Kozlova

Содержание

Приветственное слово

- 8** Команда Учреждений Организации Объединенных Наций (ООН) в Российской Федерации

Владимир Кузнецов

Заметка

- 10** Генеральный секретарь ООН о всемирной цифровизации и международном сотрудничестве

Антониу Гутерриш

Статьи

- 14** Деконструкция правосубъектности или место искусственного интеллекта в праве

Семен Степанов

- 31** Регулирование робототехники: анализ опыта ведущих стран

Олег Пичков, Александр Уланов

- 45** К вопросу о цифровизации трудовых отношений: теоретические и практические аспекты

Наталья Потапова, Андрей Потапов

Рецензия на книгу

- 65** Право интеллектуальной собственности: в руках искусственного творца

Наталья Козлова

DIGITAL LAW JOURNAL

AIMS AND SCOPE

The purpose of the Digital Law Journal is to provide a theoretical understanding of the laws that arise in Law and Economics in the digital environment, as well as to create a platform for finding the most suitable version of their legal regulation. This aim is especially vital for the Russian legal community, following the development of the digital economy in our country. The rest of the world has faced the same challenge, more or less successfully; an extensive practice of digital economy regulation has been developed, which provides good material for conducting comparative research on this issue. Theoretically, “Digital Law” is based on “Internet Law”, formed in English-language scientific literature, which a number of researchers consider as a separate branch of Law.

The journal establishes the following objectives:

- Publication of research in the field of digital law and digital economy in order to intensify international scientific interaction and cooperation within the scientific community of experts.
- Meeting the information needs of professional specialists, government officials, representatives of public associations, and other citizens and organizations; this concerns assessment (scientific and legal) of modern approaches to the legal regulation of the digital economy.
- Dissemination of the achievements of current legal and economic science, and the improvement of professional relationships and scientific cooperative interaction between researchers and research groups in both Russia and foreign countries.

The journal publishes articles in the following fields of developments and challenges facing legal regulation of the digital economy:

1. Legal provision of information security and the formation of a unified digital environment of trust (identification of subjects in the digital space, legally significant information exchange, etc.).
2. Regulatory support for electronic civil turnover; comprehensive legal research of data in the context of digital technology development, including personal data, public data, and “Big Data”.
3. Legal support for data collection, storage, and processing.
4. Regulatory support for the introduction and use of innovative technologies in the financial market (cryptocurrencies, blockchain, etc.).
5. Regulatory incentives for the improvement of the digital economy; legal regulation of contractual relations arising in connection with the development of digital technologies; network contracts (smart contracts); legal regulation of E-Commerce.
6. The formation of legal conditions in the field of legal proceedings and notaries according to the development of the digital economy.
7. Legal provision of digital interaction between the private sector and the state; a definition of the “digital objects” of taxation and legal regime development for the taxation of business activities in the field of digital technologies; a digital budget; a comprehensive study of the legal conditions for using the results of intellectual activity in the digital economy; and digital economy and antitrust regulation.
8. Legal regulation of the digital economy in the context of integration processes.
9. Comprehensive research of legal and ethical aspects related to the development and application of artificial intelligence and robotics systems.
10. Changing approaches to training and retraining of legal personnel in the context of digital technology development; new requirements for the skills of lawyers.

The subject of the journal corresponds to the group of specialties Legal Sciences 12.00.00 and Economic Sciences 08.00.00 according to the HAC nomenclature.

The journal publishes articles in Russian and English.

FOUNDER, PUBLISHER:

Maxim I. Inozemtsev
76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

EDITOR-IN-CHIEF:

Maxim Inozemtsev, Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Private International and Civil Law, Head of Dissertation Council Department of MGIMO-University, inozemtsev@digitallawjournal.org
76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

EDITORIAL BOARD

Marina Fedotova — Dr. Sci. in Economics, Head of the Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Nikolaus Forgó — Dr. jur., Head of the Department of Innovation and Digitalisation in Law, University of Vienna, Vienna, Austria

Alice Guerra — Ph.D. in Law and Economics, Associate Professor, Department of Economics, University of Bologna, Bologna, Italy

Max Gutbrod — Dr. jur., Independent Scientist, Former Partner and Managing Partner of Baker McKenzie, Moscow, Russia

Steffen Hindelang — Ph.D. in Law, Department of Law, University of Southern Denmark (University of Siddan), Odense, Denmark

Junzo Iida — Ph.D., Department of Law, Soka University, Tokyo, Japan

Julia Kovalchuk — Dr. Sci. in Economics, Professor of the Department of Energy Service and Energy Supply Management, Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia

Natalia Kozlova — Dr. Sci. in Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia

Danijela Lalić — Ph.D. in Technical Sciences, Associate Professor, Faculty of Industrial Engineering and Management, Novi Sad University, Novi Sad, Serbia

Lyudmila Novoselova — Dr. Sci. in Law, Professor, Head of the Department of Intellectual Rights, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Vladimir Osipov — Dr. Sci. in Economics, Ph.D. in Economics, Associate Professor, Professor of the Asset Management Department, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Francesco Parisi — Ph.D. in Law, Professor, Department of Law, University of Minnesota, Minneapolis, the USA

Vladimir Plotnikov — Dr. Sci. in Economics, Professor, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

Bo Qin — Ph.D., Professor, Head of the Department of urban planning and management, Renmin University of China, Beijing, China

Elina Sidorenko — Dr. Sci. in Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Director of the Center for Digital Economics and Financial Innovations, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia

Founded:	The journal has been published since 2020
Frequency:	4 issues per year
DOI Prefix:	10.38044
ISSN online:	2686-9136
Mass Media Registration Certificate:	ЭЛ № ФС 77-76948 of 9 Oct. 2019 (Roskomnadzor)
Distribution:	Content is distributed under Creative Commons Attribution 4.0 License
Editorial Office:	76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454, +7 (495) 229-41-78, digitallawjournal.org , dij@digitallawjournal.org
Published online:	30 Jun. 2021
Copyright:	© Digital Law Journal, 2021
Price:	Free

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Цель электронного журнала «Цифровое право» (Digital Law Journal) — создание дискуссионной площадки для осмысления в научно-практической плоскости легализации цифровых технологий, особенностей и перспектив их внедрения в нормативно-правовое поле. Особенно остро эта задача стоит перед российским сообществом правоведов в связи с развитием цифровой экономики в нашей стране. С этой же задачей сталкивается и остальной мир, решая её более или менее успешно. В мире сформировалась обширная практика нормативного регулирования цифровой экономики, она даёт хороший материал для проведения сравнительных исследований по этой проблематике. В теоретическом плане «цифровое право» опирается на сформировавшееся в англоязычной научной литературе академическое направление «интернет-право», которое ряд исследователей рассматривают как отдельную отрасль права.

Задачами журнала являются:

- Публикация исследований в области цифрового права и цифровой экономики с целью интенсификации международного научного взаимодействия и сотрудничества в рамках научного сообщества экспертов.
- Удовлетворение информационных потребностей специалистов-профессионалов, должностных лиц органов государственной власти, представителей общественных объединений, иных граждан и организаций в научно-правовой оценке современных подходов к правовому регулированию цифровой экономики.
- Распространение достижений актуальной юридической и экономической мысли, развитие профессиональных связей и научного кооперативного взаимодействия между исследователями и исследовательскими группами России и зарубежных государств.

В журнале публикуются статьи по следующим направлениям развития и задачам, стоящим перед нормативным регулированием цифровой экономики.

1. Нормативное обеспечение информационной безопасности, формирование единой цифровой среды доверия (идентификация субъектов в цифровом пространстве, обмен юридически значимой информацией между ними и т. д.).
2. Нормативное обеспечение электронного гражданского оборота; комплексные правовые исследования оборота данных в условиях развития цифровых технологий, в том числе персональных данных, общедоступных данных, "Big Data".
3. Нормативное обеспечение условий для сбора, хранения и обработки данных.
4. Нормативное обеспечение внедрения и использования инновационных технологий на финансовом рынке (криптовалюта, блокчейн и др.).
5. Нормативное стимулирование развития цифровой экономики; правовое регулирование договорных отношений, возникающих в связи с развитием цифровых технологий. Сетевые договоры (смарт-контракты). Правовое регулирование электронной торговли.
6. Формирование правовых условий в сфере судопроизводства и нотариата в связи с развитием цифровой экономики.
7. Обеспечение нормативного регулирования цифрового взаимодействия предпринимательского сообщества и государства; определение «цифровых объектов» налогов и разработка правового режима налогообложения предпринимательской деятельности в сфере цифровых технологий. Цифровой бюджет; комплексное исследование правовых условий использования результатов интеллектуальной деятельности в условиях цифровой экономики. Цифровая экономика и антимонопольное регулирование.
8. Нормативное регулирование цифровой экономикой в контексте интеграционных процессов.
9. Комплексные исследования правовых и этических аспектов, связанных с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники.
10. Изменение подходов к подготовке и переподготовке юридических кадров в условиях развития цифровых технологий. Новые требования к навыкам и квалификации юристов.

Тематика журнала соответствует группе специальностей «Юридические науки» 12.00.00 и «Экономические науки» 08.00.00 по номенклатуре ВАК.

В журнале публикуются статьи на русском и английском языках.

УЧРЕДИТЕЛЬ, ИЗДАТЕЛЬ:

Иноземцев Максим Игоревич
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Максим Иноземцев, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С. Н. Лебедева, начальник отдела диссертационных советов МГИМО-Университет МИД России, inozemtsev@digitallawjournal.org
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алиса Герра — Ph.D. in Law and Economics, доцент факультета экономики, Болонский университет, Болонья, Италия

Макс Гутброд — Dr. jur., независимый исследователь, бывший управляющий партнер международной юридической фирмы Baker McKenzie, Москва, Россия

Дзюндзо Иида — Ph.D., профессор факультета права, Университет Сока, Токио, Япония

Юлия Ковальчук — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры энергетического сервиса и управления энергоснабжением, Московский авиационный институт, Москва, Россия

Наталья Козлова — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Даниела Лалич — Ph.D. in Technical Sciences, доцент факультета промышленной инженерии и менеджмента, Нови-Садский университет, Нови-Сад, Сербия

Людмила Новоселова — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеллектуальных прав, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

Владимир Осипов — доктор экономических наук, Ph.D. in Economics, профессор кафедры управления активами, МГИМО-Университет МИД России, Москва, Россия

Франческо Паризи — Ph.D. in Law, профессор факультета права, Миннесотский университет, Миннеаполис, США

Владимир Плотников — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Элина Сидоренко — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, директор Центра цифровой экономики и финансовых инноваций, МГИМО-Университет МИД России, Москва, Россия

Марина Федотова — доктор экономических наук, профессор, руководитель департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

Николаус Форго — Dr. jur., заведующий кафедрой инноваций и цифровизации в праве, Венский университет, Вена, Австрия

Штеффен Хинделанг — Ph.D. in Law, факультет права, Университет Южной Дании (Сидданский университет), Оденсе, Дания

Бо Цинь — Ph.D., профессор, заведующий кафедрой городского планирования и управления, Университет Жэньминь, Пекин, Китай

История издания журнала:	Журнал издается с 2020 г.
Периодичность:	4 выпуска в год
Префикс DOI:	10.38044
ISSN online:	2686-9136
Свидетельство о регистрации средства массовой информации:	№ ФС 77-76948 от 09.10.2019 (Роскомнадзор)
Условия распространения материалов:	Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License
Редакция:	119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76, +7 (495) 229-41-78, digitallawjournal.org , dlj@digitallawjournal.org
Дата публикации:	30.06.2021
Копирайт:	© Цифровое право, 2021
Цена:	Свободная

WELCOME NOTE

UNITED NATIONS (UN) TEAM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Vladimir V. Kuznetsov

United Nations Information Centre in Moscow
9, Leontievsky Pereulok, Moscow, Russia, 125009

For citation

Kuznetsov, V. V. (2021). United Nations (UN) Team in the Russian Federation. *Digital Law Journal*, 2(2), 8–9. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-2-8-9>

On behalf of the team of the UN entities working in Russia, we welcome the international scientific and practical journal *Digital Law Journal*! The relevance of the topics covered on the pages of the journal is clear; the journal sets out not only to popularize international efforts to implement the UN 2030 Agenda for Sustainable Development, but also to show these themes in a practical plane, particularly regarding the legal regulation of the digital technology sphere.

As UN Secretary-General António Guterres rightly noted, “we all, figuratively speaking, sail on the same sea, but some at this moment are resting on their super-yachts, while others desperately cling to the wreckage passing by”. The existing problems of equality, social justice, and the opportunity to equally benefit from the technological revolution (the so-called digital divide) are all critical issues; the rights people have to a more prosperous and secure future directly depend on solving these issues.

The team of the UN entities in Russia expresses its readiness for the closest cooperation with the editors of the *Digital Law Journal* in the name of more broadly informing the audience about important, complex, but interesting research related to international cooperation in the field of digitalization.

The special significance of this topic was emphasized during the speech of the UN Secretary General at the MGIMO University, which became an important event during A. Guterres’ visit to Moscow on May 12–14, 2021.

We wish the journal and its readers new interesting research and discussions in the name of realizing the common goals of building a more prosperous and secure digital future for all!

Moscow, June 2021

Information about the author:

Vladimir V. Kuznetsov – Director of the United Nations Information Centre in Moscow, Moscow, Russia.
unic.moscow@unic.org

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

КОМАНДА УЧРЕЖДЕНИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ (ООН) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.В. Кузнецов

Информационный центр Организации Объединенных Наций (ООН)
в Москве
125009, Россия, Москва, Леонтьевский пер., 9

Для цитирования

Кузнецов, В. В. (2021). Команда Учреждений Организации Объединенных Наций (ООН) в Российской Федерации. *Цифровое право*, 2(2), 8–9. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-2-8-9>

От имени команды учреждений ООН, работающих в России, приветствуем международный научно-практический журнал «Цифровое право» (Digital Law Journal)! Актуальность затрагиваемых на страницах журнала тем очевидна в плане популяризации международных усилий по выполнению Повестки дня в области устойчивого развития ООН на период до 2030 года, а также в практической плоскости, в частности, касательно правового регулирования сферы цифровых технологий.

Как правильно отметил Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш: «Все мы, образно говоря, плывем по одному морю, однако некоторые в этот момент отдыхают на своих супер-яхтах, тогда как другие отчаянно цепляются за проплывающие мимо обломки». Существующие проблемы равенства, социальной справедливости и возможности пользоваться в равной степени благами технической революции, так называемого цифрового разрыва, — все это важнейшие вопросы, от решения которых напрямую зависят права людей на более благополучное и безопасное будущее.

Команда учреждений ООН в России выражает готовность к самому тесному взаимодействию с редакцией журнала «Цифровое право» (Digital Law Journal) во имя более широкого информирования аудитории о важных, сложных, но интересных исследованиях, связанных с международным сотрудничеством в сфере цифровизации.

Особая значимость данной тематики подчеркивалась в ходе выступления Генерального секретаря ООН в стенах МГИМО-Университета, которое стало важным событием в рамках визита А. Гутерриша в Москву 12–14 мая 2021 года.

Желаем журналу и его читателям новых интересных исследований и дискуссий во имя реализации общих задач по построению более благополучного и безопасного цифрового будущего для всех!

Москва, июнь 2021

Сведения об авторе:

Кузнецов В. В. — директор Информационного центра Организации Объединенных Наций в Москве, Москва, Россия. unic.moscow@unic.org

NOTE

THE UN SECRETARY-GENERAL ON THE GLOBAL DIGITALIZATION AND INTERNATIONAL COOPERATION

António Guterres

United Nations
760, United Nations Plaza, Manhattan, New York City,
the United States of America, 10017-6818

Abstract

Nowadays, the establishment of peaceful cooperation between nations depends on the development of digital economy and its regulation. To a certain extent, this new reality challenges the basic principles of the old world and defines some new rules to which humankind is supposed to adapt. On May 13 during his visit to Moscow, Russia, the United Nations Secretary-General António Guterres was welcomed at MGIMO-University and conferred an Honorary Doctor degree. Following the ceremony, as is tradition, the Secretary-General delivered a doctoral lecture to students and faculty. The

Secretary-General touched on the subject of the consequences of digitalization, its impact on human rights protection and the role of the international community in the era of digital revolution.

Keywords

digital cooperation, the United Nations, human rights, digital revolution, right to disconnect

For citation

Guterres, A. (2021). The UN Secretary-General on the global digitalization and international cooperation. *Digital Law Journal*, 2(2), 10–13.
<https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-2-10-13>

ЗАМЕТКА

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ООН О ВСЕМИРНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Антониу Гутерриш

Организация Объединенных Наций
10017-6818, Соединенные Штаты Америки, Нью-Йорк, Манхэттен,
Юнайтед Нейшн Плаза, 760

Аннотация

В настоящее время установление мирного сотрудничества между странами зависит от развития цифровой экономики и ее регулирования. В определенной степени новая цифровая реальность бросает вызов основополагающим принципам мироустройства и определяет некоторые новые правила, к которым человечество должно адаптироваться. 13 мая во время визита в Москву Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша в МГИМО-Университете состоялась торжественная церемония присвоения высокому гостю звания Почетного доктора МГИМО. После церемонии Генеральный секретарь по традиции выступил с докторской лекцией перед студентами и преподавателями. В своем выступлении Генеральный секретарь коснулся последствий цифровизации, ее влияния на защиту прав человека и роли международного сообщества в эпоху цифровой революции.

Ключевые слова

цифровое сотрудничество, Организация Объединенных Организаций, права человека, цифровая революция, право на отключение

Для цитирования

Гутерриш, А. (2021). Генеральный секретарь ООН о всемирной цифровизации и международном сотрудничестве. *Цифровое право*, 2(2), 10–13. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-2-10-13>

– **As it is known, science and innovation are particularly important for the realization of sustainable development goals. This has become extremely important during the Covid-pandemic and has been exacerbated by the situation. But at the same time, digital revolution often comes at the expense of increased unemployment as well as withdrawal of labor force. What can the United Nations do to ensure the full respect for human rights in the context of digital revolution?**

– Well, thank you very much for your question, that is central. It is not only human rights. I mean, digital revolution is affecting every aspect of our life. We have launched a high-level panel of digital cooperation with representatives of governments, representatives of business and scientific community.¹ Based on that, on the conclusions and recommendations, we have launched a road map on digital cooperation and this is not very central of our concerns.² In different aspects there is an inter-governmental process and we believe that some changes in law will might require new conventions that require an inter-governmental process. There is an open-ended working group that recently came to the consensus on the first integration to communication and digital activities.

But we see a number of concerns of different kinds. First, our privacy. One of the key rights is the right to be disconnected, and that right does not exist. There was a very interesting case in court about someone saying, “I just want to be disconnected”. It was a very difficult question. And not only about our privacy. But now, if one looks at what companies like Google, Facebook and others have, is not only the capacity to gather all data produced by us during different interactions on the apps and platforms that exists and to use and to sell these data to advertising companies, to a certain extent using our behavior, selling our behavior as a commercial good; and worst, now having a capacity to influence our behavior. And also this creates the possibility for some governments to have a mechanism of control over their citizens. That, of course, cannot be acceptable. I recommend you reading the book that was recently published by a professor in Harvard called *The Age of Surveillance Capitalism*. It explains the mechanism in which we convey to them the possibility to totally influence our behavior according to some commercial interests of different entities.

On the other hand, we have all the problem of cybersecurity that requires international cooperation. We have all the problem of artificial intelligence and of what artificial intelligence is generating. For instance, the risk of autonomous weapons — weapons that nobody controls. That is the question of responsibility. So, there is a number of issues — that require, in my opinion, for countries to be able to come together. And in some areas, to introduce new laws based on intergovernmental processes. In other areas, to establish the platforms of dialog and of soft approaches in relation to different aspects related to the Internet, for example, with the businesses, with the scientific community, with the civil society in order to make sure that there is an effective cooperation to reduce risks, to exchange best practices and to be able to improve the way the digital cooperation is used.

There is one thing which is the digital divide. Out of the world population is not connected. This creates a new source of inequality, a dramatic source of inequality making development very difficult in some countries that have not got this capacity. So, one of our objectives in this road map is to establish a world program to get connectivity to everybody in 2030. By the way, the population of the Russian Federation is one of the populations of the world with a high impact in Internet connection.

¹ United Nations. *Secretary-General's High-Level Panel on Digital Cooperation*. <https://www.un.org/en/sg-digital-cooperation-panel>

² United Nations Secretary-General. *Road map for digital cooperation: Implementation of the recommendations of the High-Level Panel on Digital Cooperation Report of the Secretary-General (A/74/821)*. United Nations. <https://undocs.org/A/74/821>

And so, I believe that all of you know exactly what it is not to be possible to have a connection with the Internet. That happens today with a world population. So, this is a very important objective, too. Human rights dimension is not only the question of privacy. Human rights dimension is also the question of development, the question of bad capacity of people to take use of the technologies in order to promote their own development.

***

The Digital Law Journal expresses deep appreciation to the United Nations Secretary-General António Guterres and to the United Nations Association of Russia for kind cooperation.

Information about the author:

António Guterres — the Secretary-General of the United Nations, New York City, the United States of America.
secretariat@unccd.int

Сведения об авторе:

Гутерриш А. — Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки.
secretariat@unccd.int

СТАТЬИ

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ИЛИ МЕСТО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВЕ

С.К. Степанов

Московский государственный институт международных отношений
(МГИМО-Университет) МИД России
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Аннотация

В настоящее время в доктрине все чаще слышны призывы переосмыслить содержание категории субъекта права: признать в качестве субъекта животных, искусственный интеллект и пр. Этому есть несколько объяснений, во-первых, изменение представлений о человеке и его положении в обществе, во-вторых, попытки переосмыслить традиционные категории права. На протяжении долгого исторического этапа определение содержания понятия субъекта права зависело от определения субъективного права, поскольку последнее связывали с юридически значимой волей субъекта. Следовательно, изменение воззрений на понятие субъективного права непременно приводит к пересмотру содержания самого субъекта. Основная цель статьи заключается в том, чтобы определить сущность категории субъекта права. Для этого с помощью исторического метода выявляется эволюция представлений о субъекте права. Утверждается, что подход У. Хофельда к пониманию субъективно-правовых структур позволил иначе взглянуть на содержание категории субъекта права: стало возможным признать в качестве обладателей различных субъективно-правовых категорий животных, искусственный интеллект. Тем не менее логика современных комментаторов У. Хофельда, а также сторонников столь гибкого подхода к определению правосубъектности не свободна от недостатков. Посредством метода аналитической юриспруденции автор демонстрирует возникающие проблемы.

Ключевые слова

правосубъектность, правоспособность, искусственный интеллект, У. Хофельд, юридические корреляты, В. Курки

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Для цитирования

Степанов, С. К. (2021). Деконструкция правосубъектности или место искусственного интеллекта в праве. *Цифровое право*, 2(2), 14–30. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-2-14-30>

Поступила: 10.05.2021; принята в печать: 30.05.2021; опубликована: 30.06.2021

ARTICLES

DECONSTRUCTION OF THE LEGAL PERSONHOOD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Semen K. Stepanov

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

Abstract

Calls to rethink the content of “legal personhood” are increasingly being heard at the present time: to recognize animals, artificial intelligence, etc. as a subject. There are several explanations for this: firstly, a change in ideas about a person and their position in society, and secondly, attempts to rethink the traditional categories of law. Throughout long periods of history, the definition of legal personhood depended on the definition of subjective right; the subjective right was associated with the legally significant will of the person. Consequently, a change in views on the will theory of subjective right inevitably lead to a revision of the content of the person. The main purpose of this article is to determine the essence of the legal personhood. To do this, using the historical method, the evolution of ideas about the legal personhood is revealed. It is argued that Hohfeld's approach to understanding subjective-legal structures made it possible to look differently at the content of the category of legal personhood: it became possible to recognize animals or artificial intelligence as the owners of various subjective-legal categories. Nevertheless, the logic of modern commentators, as well as supporters of such a flexible approach to the definition of legal personhood, is not free from shortcomings. Using the method of analytical jurisprudence, the author demonstrates the emerging problems.

Keywords

legal capacity, artificial intelligence, legal correlatives, Hohfeld, legal personhood, Kurki

Conflict of interest The author declares no conflict of interest.

Financial disclosure The study had no sponsorship.

For citation Stepanov, S. K. (2021). Deconstruction of the legal personhood of artificial intelligence. *Digital Law Journal*, 2(2), 14–30. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-2-14-30>

Submitted: 10 May 2021, accepted: 30 May 2021, published: 30 Jun. 2021

Введение

Проблемы правосубъектности в последнее время вновь привлекают внимание как отечественных, так и зарубежных теоретиков. Причинами тому являются: (1) бурное развитие общественных отношений в сфере научно-технического прогресса; (2) изменение представлений о человеке и о его положении в обществе; (3) попытки переосмысления традиционных категорий права. Остановимся более подробно на второй и третьей причинах, поскольку первая носит, скорее, аксиоматический характер.

Итак, изменение представлений о человеке связано в первую очередь с деконструктивистской программой постмодернизма¹. Человек, с одной стороны, все больше отчуждается от результата своей деятельности, в том числе, от политико-правовых явлений и процессов, с другой — возрастает осознание недопустимости такой тенденции (Chestnov, 2012). Именно по этой причине постмодернисты указали на «смерть субъекта», которая понимается как тотальное поглощение человека структурой (начиная от грамматики и заканчивая политическими институтами), которая превращает его в винтик, место или функцию в системе (Chestnov, 2009). Поскольку структура формирует потребности человека, личность трансформируется в члена аморфной массы (Kraakauer, 2014). В правовых исследованиях кульминацией такого воззрения стали работы американского ученого Schlag (1991), который «децентрирует» понятие субъекта права, что позволяет говорить о случайном, изменчивом и нецелостном характере субъекта.

В отечественной литературе следствием рефлексии указанных проблем явилась констатация справедливой утверждения об уменьшении степени антропоцентричности права (Gabov, 2018). Любопытно, что в современной российской цивилистической доктрине вовсе отсутствуют фундаментальные исследования, посвященные этой теме. Исключения составляют статьи, в которых либо указывается на существование проблем с определением правосубъектности (Kozlova, 2018), либо задаются риторические вопросы о «стремительно развивающемся будущем», по-видимому, адресованные читателю.

Третьей причиной, как мы указали ранее, является попытка переосмыслить традиционные категории права. И связано это главным образом с эволюцией воззрений на содержание субъективного права (Tret'ukov, 2018). Для определения правосубъектности значимой представляется сущность субъективного права, поскольку на протяжении определенного исторического этапа субъектом признавался лишь человек, способный иметь интересы, проявлять волю и действовать (Hvostov, 2019). Другие существа не признавались субъектами, так как это противоречило бы понятию субъективного права, которое определялось как сфера власти, признанная объективным правом за субъектом для удовлетворения какого-либо человеческого интереса (Hvostov, 2019). Более любопытным представляется тот факт, что некоторые зарубежные ученые предпринимают попытки структурировать содержание правосубъектности, используя для этих целей «особые» права обладания (MacCormick, 2007). Содержание последних порой весьма противоречивое.

Все эти причины заставляют нас, во-первых, описать краткую историю развития представлений о субъекте права. Во-вторых, обратиться к современным концепциям правосубъектности, которые разработаны преимущественно в зарубежной доктрине. И, наконец, попытаться ответить на вопрос о так называемых «серых» зонах учения о субъекте права, а именно выявить место искусственного интеллекта в праве.

¹ Метод деконструкции состоит в критическом исследовании объекта и самого субъекта, разрушении стереотипа. Такой метод ввел в научный оборот Ж. Деррида в работе «О грамматологии».

Эволюция представлений о субъекте права

В римском праве отсутствовало абстрактное понятие субъекта права. Тем не менее Гай указывал на то, что все право относится либо к лицам, либо к вещам, либо к искам². Считается, что именно в римском праве впервые произведено различие между вещами (*res*) и лицами (*persona*) (Kurki, 2019). Слово *persona*, вероятно, является переводом греческого *prosopon* (*πρόσωπον*, что означает внешний облик), в латинском языке первоначально им обозначали маску, которую актеры надевали во время театрального представления. Позже таким термином определяли совокупность личных качеств человека, а также его социальных ролей (Gill, 1988), а затем непосредственно человека³. Уже в *Corpus Iuris Civilis* словом *persona* обозначали как социальную роль, так и человека, однако не в абстрактном значении, свойственном категории субъекта права.

В эпоху Высокого и Позднего Средневековья термин *persona* стали применять в отношении монастырей, а также других прообразов корпоративных организаций. Хорошей иллюстрацией может послужить знаменитое определение Папы Иннокентия IV корпораций в качестве *persona ficta* — фиктивность подразумевала, что такие лица не могут быть, к примеру, отлучены от церкви (Dewey, 1926).

Наиболее важным историческим этапом формирования абстрактного представления о субъекте права, а также о субъективных правах представляется эпоха Возрождения, именно в этот период сформировался ортодоксальный подход, согласно которому субъективное право непосредственно связано с субъектом. Это стало возможным благодаря теоретическому размежеванию иска и права, лежащего в его основе, и кристаллизации объективного «права» (*ius*)⁴.

Считается, что первым исследователем, который установил связь лица с правообладанием, был Г. Гроций. «Для того, чтобы понять права лиц на вещи, поскольку право существует лишь между лицами, которым оно принадлежит, и между вещами, на которое распространяется право, требуется, во-первых, определить правовое состояние лиц, во-вторых, правовое положение вещей» (Grotius, 1926; Kurki, 2019). Тем не менее настоящая революция в понимании субъекта связана с именем выдающегося немецкого ученого Г. Лейбница. Находясь под сильным влиянием Г. Гроция, Г. Лейбниц воспринял используемое в римской традиции деление права на относящееся к лицам, вещам и искам. В его интерпретации именно эти элементы относятся к простейшим, основным, правда, Г. Лейбниц для их обозначения использует соответственно термины **субъекта**, **объекта** и **причины**, кроме того, в качестве четвертого элемента ученый выделял **право**. Любопытно, что при объяснении правовых явлений Г. Лейбниц часто использует аналогии из области геометрии. «Как Эвклид составил «Элементы геометрии», так

² Гай 1.8. (Dozhdev, 2020).

³ Считается, что причины такой эволюции связаны со становлением догматики раннехристианской церкви, где определение содержания *persona* стало особенно важным, когда обсуждалось христианское учение о трех Лицах единого по существу Бога. Александрийский собор 362 г. провозгласил, что Отец, Сын и Святой Дух были различными ипостасями (*ὑπόστασις*), но имели единую Божественную природу. Дело в том, что термин ипостась переводился на латынь как *persona*. Более того, Эфесский собор 431 г. указал на то, что Христос был единой *persona* (*hypostasis*), сочетающей как божественную, так и человеческую природу (Kurki, 2019).

⁴ Некоторые исследователи ведут отчет такого различия с парафраза Теофила, в соответствии с которым «*obligatio est cause et mater actiones*» — обязательства трактуются в качестве отдельной категории, «причины» или «основания» исков (Tret'yaikov, 2018). Другие считают, что субъективное право в вышеуказанном значении впервые употребил У. Оккам (Brett, 1997).

и в Corpus Juris содержатся элементы права, — писал ученый, — нам таковыми кажутся простейшие элементы, которые при взаимодействии служат основанием возникновения разнообразных случаев, возможных в сфере права — это лица, вещи, иски и права» (Artosi et al., 2013). Затем философ отмечает, что субъекты, обладающие способностью иметь права, могут быть естественными и гражданскими. Естественные — Бог, ангел, человек. Бог представляется субъектом высочайшего права вообще, вне всякого обязательства. Гражданская личность является некоторой совокупностью (*collegium*) лиц, объединенных единой волей, доступной для распознавания, которая может обязывать и быть обязываема (Yagodinskij, 1914).

Интересно, что обладание правом означает, что лицо имеет моральную возможность для осуществления своих прав (Kurki, 2019). Напротив, когда один субъект, вследствие моральной необходимости, вынужден приобрести либо отказаться от какого-либо права, речь идет об обязательстве.

Кроме того, каждое право относится к вещи (объекту) и приобретается на основании причины морального качества, которая заключается в природе и действии⁵.

Таким образом, Г. Лейбниц был первым, кто сформулировал абстрактное понятие субъекта и связал его содержание с возможностью иметь права и обязанности.

Дальнейшая эволюция взглядов на содержание категории субъекта связана с воззрениями И. Канта. Дело в том, что его моральная философия оказала значительное влияние на формирование наиболее важных юридических категорий, в том числе правосубъектности. Особое значение для дальнейшего изложения приобретает вторая формулировка категорического императива: «...поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» (Kant, 1965). По мнению философа, именно категорический императив представляет собой общеобязательный принцип, которым должны руководствоваться все люди независимо от их происхождения, положения и пр. Стоит отметить, что понимание автономии частного субъекта приобретает в кантовской интерпретации негативный характер: это то, в чем лицу нельзя препятствовать. При этом, говоря о «человечестве» И. Кант, имеет в виду, скорее, рациональную природу людей (Dean, 2006). Следовательно, вещи не могли быть субъектами, как у Г. Лейбница. Интересно, что для описания взаимосвязи между правом и корреспондирующей ему обязанностью, И. Кант впервые использует словосочетание «правовые отношения» (*rechtliches Verhältnis*), которые, разумеется, могут существовать лишь между людьми (Kurki, 2019).

Г. Гегель во многом опирался на подход, разработанный И. Кантом. Впрочем, гегелевское определение лица гораздо сложнее. С одной стороны, признается различие между субъектом и лицом. Так, субъектом может быть любое живое существо, которое имеет самосознание о себе не только вообще как о конкретном и каким-то образом определенном «я», а скорее имеет самосознание о себе как о совершенно абстрактном «я», в котором всякая конкретная ограниченность и значимость подвергается отрицанию и незначимы (Gegel', 2019). С другой стороны, существенными характеристиками лица представляется то, что оно осознает себя свободным в себе самом и может от всего абстрагироваться (Gegel', 2019). Огромное значение приобретает

⁵ В некоторых случаях вещи также, по мнению Г. Лейбница, могут признаваться субъектами. «Если полагается что-либо для лошади, предположим узда, нет сомнения, — писал ученый, — что по отчуждении лошади, эта вещь перейдет к ее владельцу». Г. Лейбниц далее рассуждает о правопреемстве: «Преемственность есть движение права или принуждения от субъекта к субъекту». Ему кажется, что преемственность не создает нового права, и право наследников по завещанию некоторым образом основано на бессмертии души тех, от кого получено наследство, последние и после смерти как бы заботятся о своем имуществе (Yagodinskij, 1914).

иное понимание воли субъекта, которое отличается от кантианского воззрения. Здесь акцент смещается на самореализацию индивида, на раскрытие его творческого потенциала, иными словами, на позитивный характер.

Стоит обратить внимание на то, что у Г. Гегеля личность обладает правоспособностью (*Rechtsfähigkeit*), которая представляет собой абстрактное и потому формальное право. Именно здесь впервые появляется указание на правоспособность. Кроме того, только личности обладают правом на вещи. Критикуя позицию И. Канта по поводу деления на вещные, личные и вещно-личные права, Г. Гегель писал: «...и личное право есть поэтому по существу вещное право, — если только понимать вещь в обычном смысле, как то, что вообще внешне по отношению к свободе, так что мое тело, моя жизнь суть также вещи. Это вещное право есть право личности как таковой» (Gegel', 2019). Иными словами, рассуждения Г. Гегеля связаны с идеей «сферы свободы», которой личности обладают по отношению к вещам. Каждый может «вложить» свою волю в любую вещь, в результате чего последняя становится собственностью лица.

Нетрудно заметить, что И. Кант и Г. Гегель основное внимание уделяли человеку, говоря о свободе, воле, нравственности и морали. Это обстоятельство не могло не оказать влияния на выдающегося немецкого цивилиста Ф. К. фон Савиньи. Вслед за Г. Гегелем ученый использует категорию правоспособности (*Rechtsfähigkeit*), которая понимается как возможность обладания правами. Кто же является правоспособными лицами в интерпретации Савиньи? «Всякое право, — говорит Ф. К. фон Савиньи, — существует ради нравственной, присущей каждому отдельному человеку свободы. Поэтому изначальное понятие лица или субъекта права должно совпадать с понятием человека, и эту изначальную идентичность обоих понятий можно выразить следующей формулой: каждый отдельный человек, и только отдельный человек, является правоспособным» (Savin'i, 2012). Правда, затем уточняется, что, во-первых, в некоторых ситуациях отдельным людям может быть отказано полностью или частично в правоспособности, во-вторых, правоспособность может быть перенесена на нечто вне отдельного человека, т. е. может быть образовано юридическое лицо.

Понимание субъекта права в русле гегелевской и кантианской традиции отразилось и на восприятии субъективного права. Ф. К. фон Савиньи ориентировался на кантианскую версию автономии субъекта, суть которой состоит в том, что субъект свободен выбирать до того предела, пока его свобода выбора не ограничивает свободу выбора других субъектов (Tret'yakov, 2020). Вместе с тем содержание автономии воли имеет негативное определение, заключающееся в не препятствовании субъекту в чем-либо. Такое обстоятельство способствует эволюции субъективного права из атрибута субъекта в отношение между субъектами. Эти идеи, по мнению С. В. Третьякова, нашли свое отражение, с одной стороны, в учении Савиньи о правоотношении, поскольку субъективное право может существовать лишь в связи субъектов, с другой — в понимании юридической обязанности как обладающей конститутивным значением для определения субъективного права (Tret'yakov, 2020).

В отличие от Ф. К. фон Савиньи его ученик Г. Пухта в значительной мере сосредоточился на позитивном гегелевском значении воли, отсюда возрастающее значение самого субъективного частного права как господства воли, в то время как понятие правоотношения отходит на второй план (Tret'yakov, 2020).

Кульминация волевой теории субъективного права связана с идеями Б. Виндшайда — учеником Г. Пухты. В своем учебнике пандектного права он сразу же указывает на связь прав и обязанностей с конкретными субъектами, при этом последние делятся на естественных и искусственных. Естественным юридическим субъектом признается человек, поскольку «главнейшая

задача юридического порядка состоит в проведении границ между сферами господства отдельных сталкивающихся человеческих индивидов» (Vindshajd, 1874). Напротив, об искусственном субъекте говорится при обсуждении юридических лиц. Интерес вызывает размышление Б. Виндшайда о глубоком влечении человека к олицетворению, которое коренится в самой человеческой природе. Дело в том, что, по мнению ученого, существуют права и обязанности без связи с каким-либо субъектом, однако человеку свойственно искусственным, мыслительным процессом находить соответствующего обладателя. «Так, права и обязанности, предназначенные для служения государственной цели, приписываются государству, права и обязанности, имеющие целью попечение о больных, приписываются больнице, права и обязанности, оставшиеся без субъекта по причине смерти их прежнего носителя и не перенесенные еще на наследника, приписываются самому наследству и т. д.» (Vindshajd, 1874).

Различия в подходах Ф. К. фон Савиньи и Б. Виндшайда, нашли отклик и в отечественной литературе дореволюционного периода. С. А. Муромцев следует логике Савиньи при изложении определения и основных разделений права. Ключевое значение у отечественного ученого приобретает категория правоотношений, которая образуется с помощью трех элементов: объект, субъект и среда, окружающая их (Murotsev, 2010). При этом субъектом является человек, о возможности действий которого идет речь в каждом конкретном случае. Определение действий напрямую связано с объектом, в качестве которого могут выступать другие люди или иные предметы. Объект играет пассивную роль в действиях субъекта (Murotsev, 2010).

Совершенно иным подходом следует В. М. Хвостов, со всей очевидностью придерживающийся позиции Б. Виндшайда. Здесь как субъективному праву, так и самому субъекту присуща ярко выраженная гегелевская воля. Именно человек способен иметь интересы, проявлять волю и действовать. Тогда как другие существа не могут быть субъектами права, иначе это противоречило бы понятию субъективного права, которое, как мы подчеркивали выше, понимается в качестве сферы власти, признанной объективным правом за субъектом для удовлетворения какого-либо человеческого интереса (Hvostov, 2019).

Таким образом, сложившийся в XIX в. подход к определению субъекта права можно охарактеризовать следующим образом:

1. Субъекты права делились на естественные и искусственные. К первым относился человек, тогда как в качестве второго выступало юридическое лицо и прочие общности.
2. Как правило, содержание понятия субъекта права зависело от определения субъективного права, поскольку последнее связано с юридически значимой волей субъекта.
3. В немецкой цивилистике сложились два различных подхода к определению субъекта права, в основе которых лежат представления о воле Г. Гегеля и И. Канта. Ф. К. фон Савиньи следовал кантовской версии автономии субъекта, что обуславливает значительную роль конструкции правоотношения. Напротив, Г. Пухта и Б. Виндшайд сосредотачиваются на гегелевском понимании воли, отсюда, усиление роли господства воли. Очевидно, что ни при первом, ни при втором понимании вещи (животные, искусственный интеллект) не могут считаться субъектами права.

Кардинальные изменения связаны главным образом с «крахом» волевой теории субъективного частного права⁶, что позволило переосмыслить содержание понятия субъекта права. Вслед за этим было предложено вычленить несколько «логических атомов», нередуцируемых элементов, комбинации которых в различных обстоятельствах могут давать различные варианты субъективно-правовых структур (Tret'yakov, 2018). Заслуга в этом

⁶ Более подробно об этом см.: Tret'yakov, 2020.

принадлежит американскому ученому У. Хофельду, на идеях которого необходимо остановиться более подробно.

Подход У. Хофельда и его последователей к определению субъекта права

Итак, возможность обладания субъективными правами к началу XX в. считается важнейшей характеристикой при обсуждении категории субъекта права. Вместе с тем, применяя концепцию У. Хофельда, возможно получить неожиданный результат: субъектами могут быть признаны животные, искусственный интеллект и пр.

Hohfeld (1917) пытался проиллюстрировать, что многие юридические понятия используются непоследовательно. Это обстоятельство приводит к ошибочным логическим построениям. Для разрешения указанной проблемы ученый разработал несколько «логических атомов» или позиций⁷, которые разделялись на позиции первого и высшего порядка. Грубо говоря, позиции первого порядка определяют, является ли поведение предписанным, дозволенным или запрещенным, тогда как «атомы» наивысшего порядка относятся к динамике отношения, следовательно, лишь косвенно относятся к дозволениям, предписаниям и запретам (Kurki, 2019).

Liberty, claim, duty, no-right относятся к позициям первого порядка. При этом **duty** означает, что А предписано определенное поведение. В свою очередь, В обладает правом требования (**claim**) в отношении А. Отсюда следует, что *duty* всегда сохраняется по отношению к кому-либо. Эти позиции *claim/duty* образуют корреляты, поскольку существуют в логической связи.

Аналогичным образом *liberty* и *no-right* коррелятивны. Например, С дозволено поступать каким-либо образом (**liberty**), выходит, D не имеет никакого требования к С (**no-right**). Здесь уместно привести аналогию из деликтного права: причинение вреда с согласия потерпевшего. В терминологии У. Хофельда причинение вреда будет определяться с помощью *liberty*, а отсутствие требования о возмещении — *no-right*.

Позициями высшего порядка являются *liability, power, disability, immunity*. Позиция **power** заключается в возможности односторонним волеизъявлением изменить юридическое отношение, тогда как **disability** говорит об отсутствии таковой. **Liability** E перед F, означает, что последний может изменить своим волеизъявлением хотя бы одну позицию E. Напротив, **immunity** свидетельствует о невозможности этого изменения. К примеру, E желает связать себя договорными отношениями с F и предлагает заключить на определенных условиях договор. После получения соответствующего предложения у F возникла **power** на заключение договора, в то же время E занимает позицию связанности **liability** по отношению к F.

Важно иметь в виду, что хофельдианские корреляты представляют собой не реально исторически существующие типы субъективных прав, а теоретически выделенные логические структуры, комбинации которых могут образовывать субъективно-правовые структуры (Tret'yakov, 2018). В отечественной литературе весьма удачно обосновывается удобство и гибкость логических построений У. Хофельда, поскольку они помогают учитывать появление новых объектов, требующих выработки специфических и оригинальных схем правонаделения (Tret'yakov, 2018). Тем не менее этот подход удобен и при анализе обладателя таких позиций. Разумеется, сам У. Хофельд считал единственно возможным субъектом только человека. Впрочем, это обстоятельство не означает, что его субъективно-правовые структуры относятся лишь к человеку.

⁷ Атомов в том смысле, что юристы, зачастую используя категорию правоотношения, на самом деле, пользуются комбинацией этих «атомарных» элементов, отсюда такое метафорическое описание.

В современной теории права можно выделить три теории правонаделения, которые так или иначе связаны с подходом У. Хофельда. Первой представляется концепция, согласно которой право — любая юридическая позиция, которая выгодна для ее обладателя. В этом смысле хофельдианский *immunity* может быть выражен в качестве права. К примеру, в доктрине зачастую обсуждается проблема наделения животных статусом субъекта права, некоторые даже предлагают разработать для этого специальную субъективно-правовую структуру (*right to be taken into account*) (Pietrzykowski, 2017).

Второй подход условно можно обозначить в качестве волевого. Представителями последнего являются Г. Харт, С. Wellman (1995), Н. Steiner (1994) и некоторые другие ученые. Для иллюстрации остановимся на размышлениях Г. Харта о понятии субъективного права. «(1) Высказывание формы «Х имеет субъективное право» истинно, если выполняются следующие условия: (а) в наличии имеется правовая система; (b) в соответствии с нормой или нормами этой системы некое иное лицо Y в сложившихся обстоятельствах обязано совершить некоторое действие или воздержаться от него; (с) эта обязанность находится в правовой зависимости от выбора X или иного лица, уполномоченного действовать от его имени, и при этом Y обязан совершить некоторое действие или воздержаться от него, только если в этом состоит выбор X (или какого-то указанного лица) или, наоборот, пока X не выберет обратное; (2) высказывание формы «Х имеет субъективное право» употребляется для того, чтобы получить юридическое заключение в конкретном случае, который подпадает под такие нормы» (Hart, 1954). Отсюда следует вывод о том, что субъектом может признаваться лишь тот, кто обладает способностью потребовать исполнения обязанности другим лицом.

Сторонники третьей теории утверждают, что обязанность определенного лица Y является конституирующим признаком субъективного права X в том случае, если интересы X удовлетворяются исполнением такой обязанности Y. Этот подход был развит Kramer (2001a) и получил название «теория интересов».

Каждая из перечисленных теорий обладает существенными недостатками при более детальном анализе. Так, подход интереса чрезмерно расширяет категорию субъектов, поскольку зависит от весьма неопределенного критерия «удовлетворенного интереса». Возможно ли предположить, что конституционная обязанность сохранять природу и окружающую среду означает наличие соответствующих прав, скажем, у растений? Разумеется, ответ должен быть отрицательным, тем не менее без дополнительного критерия такой вывод представляется не очевидным⁸. Напротив, когда речь заходит о животных, представители теории интересов говорят о возможности признания за ними статуса субъекта, поскольку живые существа могут обладать интересами.

Волевая теория Г. Харта также имеет ряд недостатков. В частности, с трудом объясняет правосубъектность несовершеннолетних, ограниченно дееспособных вследствие психических расстройств, так как указанные категории лиц с трудом могут потребовать исполнения обязанности от другого лица. В ранних работах Г. Харт вовсе отрицает правосубъектность малолетних (Hart, 1955).

В ответ на указанные проблемы Kurki (2019) разработал любопытную теорию правосубъектности как совокупности различных субъективно-правовых позиций. Ученый в своих рассуждениях опирается на воззрения поздних хофельдианских комментаторов Naffine (2009) и Tur (1988). Так, Н. Наффин писала, что «субъект права состоит из совокупности различных субъективно-правовых позиций, в частности, из прав и/или обязанностей, которые зависят от природы и цели

⁸ По этой причине М. Крамер (Kramer, 2001b) обращается к дополнительным аргументам в виде моральных суждений.

конкретного правоотношения. Права и обязанности могут образовывать большие или малые «пучки» (*bundles*), это означает, что содержание правосубъектности обусловлено юридическим контекстом» (Naffine, 2009). При этом под контекстом имеется в виду, к примеру, возраст лица. В этом отношении правосубъектность напоминает подход к определению собственности в качестве *bundle of rights*.

В. Курки критикует столь широкое понимание правосубъектности, поскольку вновь стирается граница между субъектом и не-субъектом. Он предлагает выделять активные и пассивные элементы правосубъектности. Так, пассивная заключается в способности, во-первых, быть «выгодоприобретателем» какой-либо позиции, иными словами, последняя направлена на защиту такого «выгодоприобретателя» от причинения вреда или устанавливает приоритет его интересов. Во-вторых, способность получать выгоду/нести бремя от какой-либо сделки. К примеру, малолетний, получивший имущество по завещанию.

Активная правосубъектность также состоит из двух частей. Первая заключается в том, может ли лицо быть привлечено к уголовной, административной и гражданской ответственности. Второй элемент характеризуется способностью своими действиями создавать юридически значимые последствия.

Пассивные элементы помогают разграничить статус животных и малолетних, в то время как активные служат для различия положений несовершеннолетних и совершеннолетних. Для одних целей субъектом может признаваться лицо, обладающее лишь некоторыми элементами, тогда как для других такая возможность отсутствует. Все элементы (пассивные и активные) сходятся лишь в совершеннолетнем, психически здоровом лице.

Разумеется, далее идет еще более подробная классификация как элементов активной, так и пассивной правосубъектности. В. Курки проводит этот анализ во многом для того, чтобы установить взаимовлияние (или как он это называет «интеграцию») таких позиций. К примеру, ученый устанавливает, что деликтоспособность (активный элемент) зависит от способности быть «выгодоприобретателем» какой-либо позиции (пассивный элемент). Такая взаимозависимость объясняет, почему правосубъектность нельзя рассматривать как совокупность статически отдельных друг от друга частей, а надлежит понимать в качестве функционально единого целого.

Зависимые активные и пассивные элементы образуют «правовые платформы» (*legal platform*). Значение таких рассуждений заключается главным образом в том, что они позволяют отвлечься от разработки всеобщей концепции правонаделения, объединяющей порой несоместимые элементы, в то же время сосредоточиться на субъективно-правовых структурах (или в терминологии В. Курки «правовых платформах»), различные сочетания которых образуют правосубъектность. Тем не менее возникает вопрос относительно признания за вещами статуса субъектов. В. Курки отмечает, что при первом приближении кажется, реки и прочие неодушевленные предметы могут занимать определенную платформу, следовательно, быть субъектами. Однако такой вывод представляется весьма поспешным. Одним из ключевых условий является способность быть «выгодоприобретателем» какой-либо субъективно-правовой структуры. Здесь важно отметить, что в основе признания за тем или иным лицом пассивной правосубъектности лежит моральная концепция наивысшей ценности. Читатель может усмотреть некоторое сходство с позицией И. Канта, вместе с тем В. Курки нужна моральная аргументация, чтобы обосновать правосубъектность животных. Ученый апеллирует к разграничению «велферизма»⁹

⁹ Под «велферизмом» понимается возможность обращаться с животными «гуманным» образом, тем не менее для удовлетворения человеческих потребностей допускает умерщвление животных (Kurki, 2019). Стоит отметить, что абз. 2 ст. 137 ГК РФ провозглашает именно этот подход.

и «аболиционизма»¹⁰, введённого Г. Франсьоне для оправдания правосубъектности животных. После долгих рассуждений В. Курки констатирует отсутствие наивысшей ценности у неодушевленных предметов, тогда как за животными и малолетними такая ценность признается. В связи с этим любопытно проанализировать место искусственного интеллекта (далее — ИИ) с точки зрения подхода В. Курки.

Правосубъектность ИИ с точки зрения теории В. Курки

Ученый начинает обсуждение с обозначения трех важнейших проблем, которые требуются разрешить. Во-первых, имеет ли ИИ наивысшую ценность? Дело в том, что утвердительный ответ на поставленный вопрос означает признание за ИИ пассивной правосубъектности. Отсюда следует возможность защиты от причинения вреда.

Во-вторых, может ли ИИ быть деликтоспособным? Ведь, как уже было отмечено, ученый устанавливает взаимосвязь последней со способностью быть «выгодоприобретателем» какой-либо позиции.

Наконец, возможность ИИ выступать в качестве субъекта предпринимательской деятельности.

Все три проблемы коррелируют с активными и пассивными элементами теории В. Курки, которые рассматривались в предыдущем разделе.

Для того чтобы обосновать наивысшую ценность ИИ достаточно, по мнению ученого, чтобы в определенных обстоятельствах ИИ поступал как человек. Сразу же оговоримся, что наличие запрета причинять вред какому-либо благу еще не означает его правосубъектности. Весьма неточным в этой связи выглядит замечание А. В. Габова о том, что ст. 245 Уголовного Кодекса РФ признает за животными право на такое обращение, которое не влечет гибели или увечья (Gabov, 2018), поскольку такая норма устанавливает лишь ответственность за жестокое обращение с животными.

«Как и в случае с социальными организациями мы вправе рассматривать ИИ как субъект, когда он может действовать как человек в конкретных ситуациях: фактически обладать вещью, заключать договоры и т. д.» (Kurki, 2019). При этом здесь не имеется в виду понимание и рефлексия самой правовой природы владения или договора, скорее, речь идет о простом целеполагании. К примеру, ИИ не требуется понимать, что собой представляет договор, для того чтобы его заключить. Такой прагматический подход к определению правосубъектности ИИ разделяется некоторыми учеными (Chopra & White, 2011). Тем не менее в литературе все чаще отмечается, что ИИ свойственно выходить за рамки человеческих действий, создавая поведенческие модели, сложно поддающиеся прогнозированию (Selbst, 2020).

Определить активную правосубъектность представляется сложнее, ведь, с одной стороны, ИИ может использоваться лишь в качестве вспомогательного инструмента. Характерной иллюстрацией является заключение договоров в сети «Интернет». Разумеется, сам персональный компьютер не является субъектом такого договора. С другой стороны, мы можем помыслить такой ИИ, который может приобрести способность мыслить и осознавать себя как отдельную личность, хотя и не обязательно его мыслительный процесс будет подобен человеческому¹¹. В связи с этим любопытно привести несколько часто цитируемых в зарубежной литературе приме-

¹⁰ Аболиционизм здесь означает признание за животными правосубъектности, а также невозможность применения общих правил об имуществе к животным. Кульминацией такого подхода считается концепция К. Санстейна (Sunstein, 2004).

¹¹ Так называемая гипотеза сильного искусственного интеллекта.

ров. Предположим, разработанный для игры в шахматы ИИ, предчувствуя скорый проигрыш, вызывает в здание, где проходит турнир, отряд саперов, чтобы прервать игру (Selbst, 2020). Другим примером служит полностью автоматизированное транспортное средство. Представим, что создатели такой машины программируют ее свободно выбирать время заправки. Через месяц после использования ИИ понимает, что транспортное средство работает эффективнее, если начинает день с полностью заправленным баком. Следующей ночью ИИ решает запустить бензиновый двигатель в гараже на ночь. Понятно, какие последствия для жителей дома может вызвать такое решение (Selbst, 2020).

К сожалению, существуют реальные примеры причинения вреда жизни и здоровью полностью автоматизированными роботами. В 1981 г. промышленный робот стал причиной смерти сотрудника японской мотоциклетной фабрики. Рабочий намеревался провести техническое обслуживание робота, однако не смог его выключить. Это привело к тому, что робот причинил несовместимые с жизнью травмы сотруднику (Hallevy, 2010).

Все обозначенные выше примеры свидетельствуют о необходимости осмысления такого элемента активной правосубъектности, как способность быть привлеченным к ответственности. Что мешает запрограммировать ИИ действовать, не причиняя вреда и не нарушая каких-либо интересов и прав других лиц? Ответ простой — соображения экономического анализа. «Представьте семью из четырех человек, — рассуждает ученый, — которые бронировали номер в небольшом отеле, где всего три четырехместных люкса. Тем не менее до их заезда другая семья из двенадцати человек заселяется в эту гостиницу и занимает все три номера. Для того чтобы избежать потенциального конфликта управляющий гостиницы запрашивает у соседнего отеля информацию о свободных номерах и предлагает этот вариант первой семье. Общественное благосостояние увеличилось, поскольку как первая, так и вторая семьи были размещены. Однако договорные обязательства с первой семьей были нарушены, если бы они не согласились с изменением бронирования» (Kurki, 2019). Вполне вероятно, что ИИ будет действовать, руководствуясь соображениями общественного благосостояния. Любопытно, что компания Google запрограммировала свои высокоавтоматизированные транспортные средства таким образом, чтобы они могли превышать установленные скоростные ограничения в ситуациях, когда следование им вызывает повышенную опасность (Kurki, 2019)¹².

Вопрос об ответственности ИИ является одним из самых дискутируемых. В. Курки отмечает, что одной из возможных санкций представляется отключение ИИ. При этом достаточно, чтобы ИИ признавал, что такое отключение повлечет собой недостижение цели, ради которой он создавался. Тем не менее логично предположить, что некоторые меры гражданско-правовой ответственности предполагают наличие у стороны, виновной в нарушении обязательства, имущества, за счет которого (в большинстве случаев) происходит удовлетворение требований потерпевшего (Solum, 1992). Это обстоятельство, во-первых, вновь предопределяет вопрос о правообладании, во-вторых, связано с возможностью ИИ быть субъектом предпринимательской деятельности.

Для этого В. Курки предлагает следующую классификацию ИИ (таблица 1).

В качестве иллюстрации может выступать участие ИИ в биржевой торговле. Разумеется, субъектом по сделкам, совершаемым при помощи ИИ, будет либо брокерская фирма, либо инвестиционный фонд. Получается, что такой случай располагается в первых двух столбцах таблицы: отсутствие самостоятельности и невозможность действовать от своего имени (Pagallo, 2013).

¹² Интересно, каким образом ИИ разрешил бы «проблему вагонетки».

Таблица 1 / Table 1

Классификация ИИ / Two dimensions of AI legal personhood¹³

Способность самостоятельно отвечать по долгам	1. Отсутствие самостоятельности. ИИ часть «правовой платформы» другого субъекта.	2. Частичная самостоятельность. «Правовая платформа» ИИ частично отдельная, однако в некоторых ситуациях другой субъект несет ответственность по долгам ИИ.	3. Полная самостоятельность. ИИ обладает «правовой платформой», которая представляется полностью независимой.
Способность действовать от своего имени	1. Не может действовать от своего имени. Осуществление любого полномочия создает, изменяет или прекращает права и обязанности для другого субъекта.	2. Частично вправе действовать от своего имени. В некоторых ситуациях считается, что ИИ действует от своего имени.	3. Действует от своего имени. ИИ создает, изменяет или прекращает права и обязанности от своего имени.

Впрочем, таблица напоминает описание правового положения несовершеннолетних. Первый верхний столбец отчетливо коррелирует с нормой об ответственности за вред, причиненный несовершеннолетним в возрасте до четырнадцати лет (ст. 1073 ГК РФ), тогда как второй верхний аналогичен п. 2 ст. 1074 ГК РФ о возмещении вреда родителями, когда у несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет нет доходов или иного имущества.

Интересно обратить внимание на третьи столбцы. Существуют ли доктринальные основания помыслить полную самостоятельность и способность действовать от своего имени? В. Курки дает положительный ответ. При этом аргументы, подтверждающие его позицию, обнаруживаются в сфере корпоративного права. К примеру, в результате смерти единственного участника юридическое лицо все еще остается субъектом права. Это обстоятельство позволяет предположить, что ИИ может осуществлять контроль и управление юридическим лицом. После долгих рассуждений, руководствуясь выводами Ш. Байерна (Bayern, 2015), В. Курки находит для этого догматические предпосылки в американском праве. В каких случаях может возникнуть необходимость в конструкции юридического лица, управляемого и контролируемого ИИ?

Предположим, весьма состоятельный человек решает инвестировать в определенный район города, чтобы повысить стоимость земельных участков, собственником которых он является. Однако этот человек имеет плохую репутацию, и все отказываются вступать с ним в какие-либо деловые отношения. В качестве решения он создает юридическое лицо с солидным уставным капиталом и определяет его цель — повышение инвестиционной привлекательности в этом городском районе. Контроль и управление организацией возлагаются на ИИ. При этом цель ИИ совпадает не только с целью состоятельного человека, но и с интересами других собственников

¹³ Kurki, 2019.

земельных участков в этом районе. Теперь представим, что для достижения указанной цели организация заключает с третьим лицом договор, в случае неисполнения которого единственным субъектом, обладающим соответствующим притязанием будет юридическое лицо, которое управляется ИИ.

Таким образом, ответы на три поставленных в самом начале этого раздела вопроса зависят от способностей действовать от своего имени и отвечать по своим долгам. Чем больше независимости и самостоятельности появляется у ИИ, тем обширнее количество субъективно-правовых структур, занимаемых им. Именно теория В. Курки позволяет выработать оригинальную схему правонаделения, а также проанализировать «серые зоны» учения о правосубъектности.

Вместо послесловия

Как часто при рассмотрении тех или иных «серых зон» концепция В. Курки опирается в обсуждения контекста? Почти каждый раз. Получается весьма любопытная картина. С одной стороны, признается неудовлетворительность традиционного подхода к определению содержания понятия «субъекта права», с другой — предлагается множество комбинаций субъективно-правовых структур, которые зависят от динамического юридического контекста. Для этих целей вырабатывается оригинальное представление о «правовых платформах», активных и связанных с ними пассивных элементах правосубъектности и пр. В качестве аналогии такой платформы можно представить сильно натянутую ткань, на которую кладутся стальные шарики разного веса. Чем меньше шарик — тем слабее воздействие, оказываемое им. Так и в подходе В. Курки, правовая платформа — аналог ткани, тогда как субъектами следует признавать все то, что оказывает на нее воздействие. Это обстоятельство отличает воззрение В. Курки от взглядов других теоретиков, поскольку позволяет сместить акцент с рассмотрения существенных характеристик субъекта, его воли, мотивов и пр. на субъективно-правовые структуры, которые им затрагиваются. Вероятно, именно по этой причине к концу книги ученый признает некорректность вопроса: «Должен ли X быть субъектом права?» Отметим, что такое рассуждение очень напоминает поиск определений сторонниками аналитической юриспруденции.

Форма вопроса «что есть X?» приводит к недоразумениям, поскольку она предполагает, что ответ должен заключаться в определении некоторой вещи или качества, к которому непосредственно прикреплено данное выражение. Тем не менее юридические понятия совершенно иные, их отношение к фактам намного более сложно, опосредованно и нуждается в прояснении. Обычные методы определения приводят к тому, что в результате они искажаются и мифифицируются (Hart, 1957). Г. Харт указал на неэффективность определения понятий через родовые и видовые отличия, поскольку такая техника не учитывает своеобразия правовых понятий (Ogleznev & Surovcev, 2013). Главным образом это связано с тем, что юридические выражения не имеют непосредственной связи с аналогами в мире фактов, что наблюдается у большинства обычных слов, при этом обычные слова не эквивалентны выражениям, употребляемым в праве. В связи с этим Г. Харт предлагает метод выявления содержания понятия, смысл которого заключается в том, что вместо определения единичного термина необходимо рассмотреть предложение, где единичное слово играет характерную для себя роль и объясняется, во-первых, посредством спецификации условий, при которых все высказывание истинно, и, во-вторых, посредством того, как данное слово употребляется для того, чтобы получить заключение на основании правил в конкретном случае (Hart, 1954). Такие рассуждения весьма близки позициям

философов-аналитиков о методе контекстуального перевода (Surovcev, 2012)¹⁴. Смысл этого метода состоит в том, что выражение должно анализироваться только в рамках контекста его употребления (Ogleznev & Surovcev, 2013).

В этой связи идеи В. Курки напрямую связаны с методом выявления содержания юридических понятий Г. Харта. Получается, вопрос «что такое субъект права?» означает не только выявление и перечисление необходимых и достаточных существенных признаков понятия, но и описание той роли, которую играет данное понятие в определенном контексте. Но метод Г. Харта, а вслед за ним и рассуждения В. Курки применимы лишь при строгом соблюдении последовательности (очередности) в постановке вопросов. К примеру, для Г. Харта, чтобы ответить на вопрос «что такое субъект права?», необходимо знать ответ на другой вопрос «что такое норма права?». Получается, второй вопрос — онтологический, тогда как первый — эпистемологический; или второй — предварительный вопрос, а первый последующий (Ogleznev & Surovcev, 2013). Для В. Курки в качестве основополагающего выступает вопрос об определении взаимосвязи пассивных и активных элементов, которые образуют правовую платформу.

Другой проблемой представляется то, что понятие субъекта права относится к сфере определений, имеющих фундаментальное значение для права. Если мы согласимся с тем, что в разных юридических контекстах этот термин имеет различное содержание, то возникает проблема выявления пассивных и активных элементов. Иными словами, если для определения «субъекта права» нам требуются знания об уже определенном понятии «правовой платформы», каким образом, оставаясь в рамках юридического языка, определить саму «правовую платформу» или другие основные правовые понятия?¹⁵ И В. Курки сталкивается с такой проблемой при обсуждении элементов пассивной и активной правосубъектности. В некоторых случаях автор лишь констатирует, что те или иные позиции следует мыслить в качестве активных или пассивных¹⁶.

Список литературы / References:

1. Artosi, A., Pieri, B., & Sartor, G. (2013). *Leibniz: Logico-Philosophical puzzles in the law: Philosophical questions and perplexing cases in the law*. Springer. <http://doi.org/10.1007/978-94-007-5192-7>
2. Bayern, S. (2015). The implications of modern business — Entity law for the regulation of autonomous systems. *Stanford Technology Law Review*, 19(1), 93–112. <https://law.stanford.edu/publications/the-implications-of-modern-business-entity-law-for-the-regulation-of-autonomous-systems/>
3. Bodenheimer, E. (1956). Modern analytical jurisprudence and the limits of its usefulness. *University of Pennsylvania Law Review*, 104(8), 1080–1086.
4. Brett, A. (1997). *Liberty, right and nature: Individual rights in later scholastic thought*. Cambridge University Press.
5. Chestnov, I. L. (2009). Sub'ekt prava: Ot klassicheskoj k postklassicheskoj paradigme [Legal person: From classical to postclassical paradigm]. *Pravovedenie*, 284(3), 22–30.
6. Chestnov, I. L. (2012). *Postklassicheskaya teoriya prava* [Postclassical theory of law]. Alef-Press.

¹⁴ Так, Frege (2000) предлагает среди прочих придерживаться правила, что «о значении слова нужно спрашивать не в его обособленности, а в контексте предложения»; «всегда необходимо учитывать полное предложение; только в нем слова обладают подлинным значением». Vitgenshtejn (2020) также отмечает, что «только предложение имеет смысл; имя обретает значение лишь в контексте предложения».

¹⁵ Это положение повторяет критику Bodenheimer (1956) в адрес аналитической юриспруденции Г. Харта. Также этот вопрос обсуждают Оглезнев В. В., Суровцев В. А. (Ogleznev & Surovcev, 2013).

¹⁶ В особенности это проявляется при изложении главы 3.

7. Chopra, S., & White, L. (2011). *A legal theory for autonomous artificial agents*. University of Michigan Press. <http://doi.org/10.3998/mpub.356801>
8. Dean, R. (2006). *The value of humanity in Kant's moral theory*. Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/0199285721.001.0001>
9. Dewey, J. (1926). The historic background of corporate legal personality. *Yale Law Journal*, 35(6), 655–673.
10. Dozhdev, D. V. (Ed., Transl.). (2020). *Gai Institutions = Gai Institutionum commentarii quattuor*. Statute.
11. Frege, G. (2000). *Osnovopolozheniya arifmetiki. Logiko-Matematicheskoe issledovanie o ponyatii chisla* [Foundations of arithmetic. Logical and mathematical research on the concept of number]. Vodolej.
12. Gabov, A. V. (2018). Pravosub"ektnost': Tradicionnaya kategoriya prava v sovremennuyu epohu [Legal personality: A traditional category of law in the modern era]. *Vestnik Saratovskoj Gosudarstvennoj Yuridicheskoy Akademii*, 121(2), 96–113.
13. Gegel', G. (2019). *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Izd-vo Yurajt. <https://urait.ru/bcode/411565>
14. Gill, C. (1988). Personhood and personality: The four-Personae theory in cicero, De Officiis I. *Oxford Studies in Ancient Philosophy*, 6, 169–199.
15. Grotius, H. (1926). *The Jurisprudence of Holland* (R.W. Lee, Ed., Transl.). Clarendon Press.
16. Hallevy, G. (2010). The criminal liability of artificial intelligence entities — From science fiction to legal social control. *Akron Intellectual Property Journal*, 4(2), 171–201.
17. Hart, H. L. A. (1954). Definition and theory in jurisprudence. *Law Quarterly Review*, 70(1), 37–60.
18. Hart, H. L. A. (1955). Are there any natural rights? *The Philosophical Review*, 64(2), 175–191.
19. Hart, H. L. A. (1957). Analytical jurisprudence in mid-Twentieth century: A reply to professor Bodenheimer. *University of Pennsylvania Law Review*, 105, 953–975.
20. Hohfeld, W. (1917). Fundamental legal conceptions as applied in judicial reasoning. *Yale Law Journal*, 26(8), 710–770.
21. Hvostov, V. M. (2019). *Sistema rimskogo prava* [Roman law system]. Izdatel'stvo Yurajt. <https://urait.ru/bcode/430492>
22. Kant, I. (1965). *Sochineniya* [Works] (Vol. 4). Mysl'.
23. Kozlova, N. V. (2018). Abstraktnoe i konkretное ponimanie sub"ekta, pravosposobnosti i grazhdanskogo pravootnosheniya [Abstract and concrete understanding of the subject, legal capacity and civil legal relationship]. In *Grazhdanskoe pravo: Sovremennye problemy nauki, zakonodatel'stva, praktiki: Sbornik statej k yubileyu doktora yuridicheskikh nauk, professora Evgeniya Alekseevicha Suhanova*. Statute.
24. Krakauer, Z. (2014). *Ornament massy: [sb. esse]* [Mass ornament]. Ad Marginem Press.
25. Kramer, M. (2001a). Getting rights right. In Matthew H. Kramer (Ed.), *Rights, wrongs and responsibilities*. Palgrave. <http://doi.org/10.1057/9780230523630>
26. Kramer, M. (2001b). Do animals and dead people have legal rights? *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*, 14(1), 29–54. <https://doi.org/10.1017/S0841820900002368>
27. Kurki, V. (2019). *A theory of personhood*. Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/oso/9780198844037.001.0001>
28. MacCormick, N. (2007). *Institutions of laws: An essay in legal theory*. Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198267911.001.0001>
29. Muromcev, S.A. (2010). *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSS-PEN).
30. Naffine, N. (2009). *Law's meaning of life: Philosophy, religion, Darwin and the legal person*. Hart Publishing. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2230.2010.00832.x>
31. Ogleznev, V. V., & Surovcev, V. A. (2013). Analiticheskaya filosofiya prava G. Harta i pravovoj realizm [Analytical philosophy of the rights of Hart and legal realism]. *Pravovedenie*, 309(4), 134–147.

32. Pagallo, U. (2013). *The laws of robots*. Springer. <http://doi.org/10.1007/978-94-007-6564-1>
33. Pietrzykowski, T. (2017). The idea of non-personal subjects of law. In A. J. Kurki, & T. Pietrzykowski (Eds.), *Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn* (pp. 49–67). Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-53462-6>
34. Savin'i, F.K. fon. (2012). *Sistema sovremennogo rimskogo prava* [The system of modern Roman law] (Vol. 8) (G. Zhigulina, Transl.) (O. Kutateladze, & V. Zubarya, Eds.). Statute. Odessa: Centr issledovaniya prava im. Savin'i.
35. Schlag, P. (1991). The problem of the subject. *Texas Law Review*, 69, 1627–1743. Schlag, P. (1995). Anti-Intellectualism. *Cardozo Law Review*, 16, 1111–1120.
36. Selbst, A. D. (2020). Negligence and AI's human users. *Boston University Law Review*, 100(4), 1315–1376. <http://www.bu.edu/bulawreview/volume-100-number-4-september-2020/>
37. Solum, L. (1992). Legal personhood for artificial intelligences. *North Carolina Law Review*, 70(4), 1231–1287.
38. Steiner, H. (1994). *An essay on rights*. Blackwell.
39. Sunstein, C. (2004). Can animals sue? In C. R. Sunstein & M. C. Nussbaum (Eds), *Animal rights: Current debates and new directions*. Oxford University Press. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195305104.001.0001>
40. Surovcev, V. A. (2012). *O metodah analiticheskoy filosofii* [On the methods of analytical philosophy]. Analiticheskaya filosofiya: Problemy i perspektivy razvitiya v Rossii. St. Petersburg.
41. Treť'jakov, S. V. (2018). Yuridicheskoe gospodstvo nad ob'ektom kak dogmatischeeskaya konstrukciya kontinental'noj civilistiki [Legal domination over the object as a dogmatic design of continental civilistics]. In *Grazhdanskoe pravo: sovremennye problemy nauki, zakonodatel'stva, praktiki: Sbornik statej k yubileyu doktora yuridicheskikh nauk, professora Evgeniya Alekseevicha Suhanova*. Statute.
42. Treť'jakov, S. V. (2020). Sub'ektivnoe chastnoe pravo i «yurisprudenciya ponyatij»: Kul'minaciya i krizis volevoj teorii sub'ektivnogo prava. *Vestnik Grazhdanskogo Prava*, 20(3), 9–42. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2020-20-3-9-42>
43. Tur, R. (1988). The “person” in law. In A. Peacocke, & G. Gillett (Eds), *Persons and personality: A contemporary inquiry*. Basil Blackwell.
44. Vindshajd, B. (1874). *Uchebnik pandektnogo prava. T. I. Obshchaya chast'* [Textbook of Pandek law. General Part (Vol. 1)] (S.V. Pahvana, transl.). Izdaniye Giyeroglifa i Nikiforova
45. Vitgenshtejn, L. (2020). Logiko-filosofskij traktat [Logical and philosophical treatise]. Izd-vo AST.
46. Wellman, C. (1995). *Real rights*. Oxford University Press.
47. Yagodinskij, I. I. (1914). *Filosofiya Lejbnica. Process obrazovaniya sistemy. Pervyj period. 1659–1672* [Philosophy Leibnitsa. The process of education system. First period. 1659–1672]. Kazan'.

Сведения об авторе:

Степанов С. К. — аспирант кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, младший научный сотрудник кафедры управления активами Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России, Москва, Россия.

s.stepanov@inno.mgimo.ru

Information about the author:

Semen K. Stepanov — PhD Student, Department of Private International and Civil Law, Junior Research Fellow, Department of Asset Management, MGIMO-University, Moscow, Russia.

s.stepanov@inno.mgimo.ru

СТАТЬИ

РЕГУЛИРОВАНИЕ РОБОТОТЕХНИКИ: АНАЛИЗ ОПЫТА ВЕДУЩИХ СТРАН

О.Б. Пичков, А.А. Уланов*

Московский государственный институт международных отношений
(МГИМО-Университет) МИД России
119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

Аннотация

В статье сопоставлен и проанализирован опыт ведущих государств по регулированию робототехники и на основе выявленных лучших практик сформулированы предложения для России в соответствующей области. Актуальность исследования определяется стремительным ростом мирового рынка робототехники в последнее десятилетие, а также внедрением роботов в самый широкий спектр областей человеческой деятельности. Отбор стран-лидеров на мировом рынке робототехники проведен посредством метода бенчмаркинга. Компаративный анализ регулирования в сфере робототехники осуществлен авторами в формате сравнения стран на основе матрицы сопоставления по критериям наличия нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы разработки и использования робототехники; государственной программы развития робототехники; ответственных органов государственной власти или организаций, а также отраслевых «регуляторных песочниц». Установлено, что из исследуемых стран — Республики Корея, Японии, Германии и России — все компоненты системы регулирования робототехники имеются только у одной (Республики Корея). Сформулированы рекомендации, направленные на улучшение соответствующей отечественной системы, в частности, с учетом лучших практик зарубежных стран, заинтересованным сторонам рекомендовано принятие отраслевого нормативно-правового акта, а также учреждение профильного государственного агентства.

Ключевые слова

роботы, робототехника, плотность роботизации, индустрия 4.0, регуляторные песочницы, искусственный интеллект, цифровая экономика

Конфликт интересов Авторы сообщают об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование Исследование не имело спонсорской поддержки.

Для цитирования Пичков, О. Б., Уланов, А. А. (2021). Регулирование робототехники: анализ опыта ведущих стран. *Цифровое право*, 2(2), 31–44. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-2-31-44>

* Автор, ответственный за переписку

Поступила: 11.05.2021, принята в печать: 02.06.2021, опубликована: 30.06.2021

ARTICLES

REGULATION OF ROBOTICS: ANALYSIS OF LEADING COUNTRIES' EXPERIENCE

Oleg B. Pichkov, Alexander A. Ulanov*

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)
76, ave. Vernadsky, Moscow, Russia, 119454

Abstract

The paper compares and analyzes the experiences leading states have had in robotics regulation; on the basis of the identified best practices, proposals are formulated for Russia in the corresponding field. The relevance of the research is determined by the rapid growth of the global robotics market over the last decade, as well as the introduction of robots in the widest range of human activities. The leading countries in the international robotics market were selected using the benchmarking method. A comparative analysis of the regulation in the field of robotics was conducted through a comparison matrix composed of several criteria. The criteria included the existence of regulations and a national program for the development of robotics, the presence of responsible government bodies or organizations, and sectoral “regulatory sandboxes”. It was discovered that, of the four studied countries (the Republic of Korea, Japan, Germany, and Russia), only one has all the components of the robotics regulation system. The authors formulated certain recommendations aimed at improving the corresponding domestic regulation system. In particular, considering the best practices of foreign countries, the parties concerned are encouraged to adopt a sectoral normative legal act, as well as to establish a specialized state agency.

Keywords

robots, robotics, robot density, industry 4.0, regulatory sandboxes, artificial intelligence, digital economy

Conflict of interest The authors declare no conflict of interest.

Financial disclosure The study had no sponsorship.

For citation Pichkov, O. B., & Ulanov, A. A. (2021). Regulation of robotics: Analysis of the leading countries' experience. *Digital Law Journal*, 2(2), 31–44. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-2-31-44>

* Corresponding author

Submitted: 11 May 2021, accepted: 2 June 2021, published: 30 June 2021

Введение

Роботы не перестали быть излюбленной темой научных фантастов и голливудских режиссеров, однако с каждым днем они все в большей степени становятся частью повседневной жизни человека. Мировой рынок робототехники динамично развивается и обладает значительным потенциалом. По данным Международной федерации робототехники, в 2019 г. совокупное количество установленных промышленных роботов в мире превысило 2,7 млн единиц. Только

за 2019 г. было продано еще 373 тыс. роботов. Начиная с 2014 г. рынок промышленной робототехники в среднем растет на 11 % ежегодно. Ожидается, что показатели отрасли робототехники смогут достигнуть докризисных значений после пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 уже к 2022–2023 г¹.

Указанная статистика свидетельствует о росте востребованности роботов и значимости данного рынка. В связи с изложенным в области робототехники разворачивается острая конкурентная борьба. Авторы констатируют, что в мировом масштабе уже сложилась группа стран-лидеров в области робототехники, о чем свидетельствуют данные статистики по различным отраслевым показателям. Представляется возможным предположить, что одним из факторов лидерства на рынке робототехники является современное и гибкое регулирование в соответствующей сфере. В данном контексте изучение зарубежного опыта становится крайне востребованным и, в особенности, лучших практик стран-лидеров индустрии.

Таким образом, объектом настоящего исследования является регулирование робототехники, а предметом — опыт ведущих стран в соответствующей области. Хронологические рамки настоящей работы составляет период с 2000 по 2021 г. Географический охват с учетом международного характера исследования включает в себя страны-лидеры в области робототехники, отбор которых будет осуществлен на основе специализированной методологии.

Необходимо отметить, что в настоящее время тема регулирования робототехники остается недостаточно разработанной. На современном этапе имеется ряд работ (Jun, 2009; Nambu, 2016; Pak, 2021; Park, 2013), посвященных отраслевому регулированию в рамках отдельно взятой страны. Некоторые авторы (к примеру, Palmerini et al., 2016) освещают проблематику регулирования робототехники на межстрановом уровне, но через призму единой политики в рамках интеграционного объединения. Другие работы (Weng et al., 2015) содержат больший уклон в сторону прикладной робототехники. Представленная статья призвана восполнить имеющийся пробел и сопоставить подходы различных стран к проблеме регулирования робототехники.

Таким образом, цель данной работы — проанализировать опыт ведущих стран в области регулирования робототехники. Соответствующая постановка цели определяет задачи исследования, в число которых включены:

- отбор стран-лидеров в области робототехники;
- сравнительный анализ систем регулирования робототехники отобранных стран;
- более глубокий анализ подходов, лучших практик, а также трудностей регулирования соответствующей области в разрезе каждой страны;
- формулирование рекомендаций по улучшению отечественной системы регулирования робототехники.

Отдельно необходимо отметить, что авторы в рамках настоящей работы не затрагивают проблематику регулирования робототехники военного назначения, поскольку данная тема является, во-первых, преимущественно предметом многостороннего регулирования и, во-вторых, в значительной степени политическим вопросом. В частности, проблематика смертоносных автономных систем вооружений обсуждается на площадке Конвенции о «негуманном» оружии в рамках профильной Группы правительственных экспертов².

¹ Müller, C. (2020, September 24). *World robotics 2020*. [Conference presentation]. IFR press conference, Frankfurt, Germany. https://ifr.org/downloads/press2018/Presentation_WR_2020.pdf

² Министерство иностранных дел Российской Федерации. (2021, 28 апреля). *Конвенция о «негуманном» оружии*. https://www.mid.ru/obycnye-vooruzenia/-/asset_publisher/MIJdOT56NKIk/content/id/1130752

Методология исследования

Отбор стран для изучения опыта регулирования в сфере робототехники произведен на основе использования метода бенчмаркинга. Бенчмаркинг (или эталонное оценивание) традиционно используется в экономике и финансах для сравнения с лидерами отрасли посредством сопоставления количественных показателей. В случае сферы робототехники в качестве критериев отбора авторами выбраны годовой объем продаж промышленных роботов и плотность роботизации обрабатывающей промышленности. С целью уточнения выборки авторами также введены такие критерии, как численность населения и объем валового внутреннего продукта. Учет данных показателей позволил отобрать крупные и развитые страны с диверсифицированной экономикой, сопоставление с которыми более релевантно в контексте настоящего исследования.

Компаративный анализ регулирования в сфере робототехники осуществлен авторами в формате сравнения стран-лидеров на основе матрицы сопоставления по таким критериям, как наличие актов, регулирующих вопросы разработки и использования робототехники, тематической государственной программы, «регуляторной песочницы» и иным показателям, а также разбора особенностей профильной сферы в отобранных странах.

Результаты исследования

Первым этапом проведения бенчмаркинга стал отбор 5–6 стран — лидеров в сфере робототехники. Сопоставление было проведено на основе данных Доклада о мировой робототехнике 2020 г., подготовленного Международной федерации робототехники. Распределение ведущих стран мира по показателю годового объема продаж промышленных роботов приведено на рисунке 1. По данному критерию авторами были отобраны Китай, Япония, США, Республика Корея и Германия.

Перед обращением к сравнению стран по критерию плотности роботизации промышленности следует отразить его содержание. Данный показатель рассчитывается экспертами Международной федерации робототехники как число промышленных роботов на 10 тыс. занятых на производстве. Важно отметить, что аналогичный анализ для сервисной робототехники на современном этапе не осуществляется по причине отсутствия необходимых статистических данных.

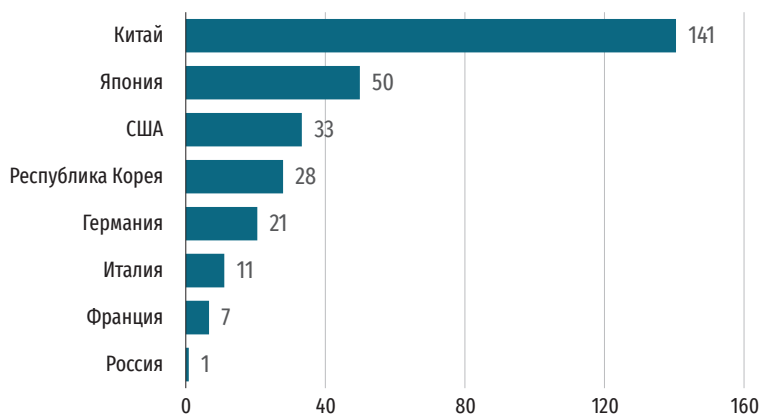
Мировыми лидерами по плотности роботизации обрабатывающей промышленности являются Сингапур, Республика Корея, Япония и Германия (см. рисунок 2). Роботизация производства в США и Китае находятся близко к среднемировому уровню (113 роботов на 10 тыс. занятых). Из числа стран для сопоставления авторами сознательно был исключен Сингапур в связи с уникальной ситуацией тотальной роботизации производства города-государства при исходно малом числе занятых в данной сфере, что нетипично для остального мира.

Сводная матрица эталонного оценивания стран для изучения опыта регулирования в сфере робототехники приведена в таблице 1.

Сопоставление отобранных стран по критерию валового внутреннего продукта демонстрирует наличие двух групп: государств с объемом ВВП порядка 1,5–5 трлн долл. США (Республика Корея, Россия, Германия и Япония), а также стран (США, Китай), ВВП которых кратно превышает аналогичный показатель вышеупомянутых государств. К примеру, разница в ВВП США и Германии составляет более 5 раз, США и Республики Кореи — 13 раз.

Рисунок 1 / Figure 1

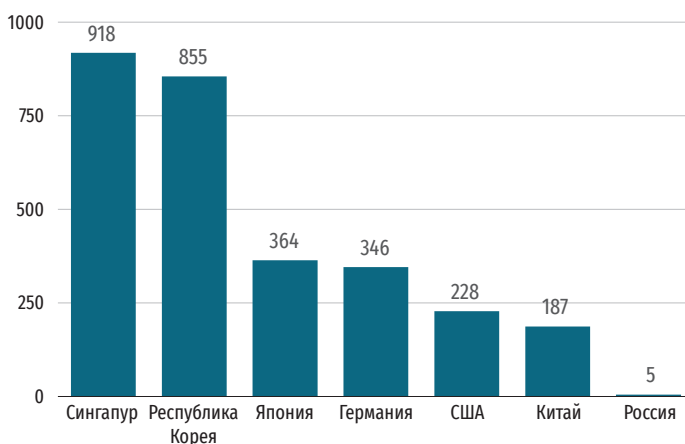
Годовой объем продаж промышленных роботов в 2019 г., тыс. единиц / Annual Installations of Industrial Robots 2019, Thousand of Units

Примечание. Составлено авторами на основе данных Müller, С. (2020, September 24). World Robotics 2020. [Conference presentation]. IFR press conference, Frankfurt, Germany. https://ifr.org/downloads/press2018/Presentation_WR_2020.pdf и Группа Деловой Профиль. (2020, 28 декабря). Использование промышленных роботов: обзор рынка робототехники в России и мире. <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/ispolzovanie-promyshlennykh-robotov-obzor-rynka-robototekhniki-v-rossii-i-mire/>

Рисунок 2 / Figure 2

Плотность роботизации обрабатывающей промышленности в 2019 г., роботов на 10 тыс. занятых на производстве / Robot Density in the Manufacturing Industry 2019, Robots Installed per 10,000 Employees

Примечание. Составлено авторами на основе данных Müller, С. (2020, September 24). World Robotics 2020. [Conference presentation]. IFR press conference, Frankfurt, Germany. https://ifr.org/downloads/press2018/Presentation_WR_2020.pdf и Группа Деловой Профиль. (2020, 28 декабря). Использование промышленных роботов: обзор рынка робототехники в России и мире. <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/ispolzovanie-promyshlennykh-robotov-obzor-rynka-robototekhniki-v-rossii-i-mire/>

Таблица 1 / Table 1

Эталонное оценивание стран для изучения опыта регулирования в сфере робототехники, 2019 г. / Country Benchmarking for Robotics Regulatory Experience Study 2019

Критерий	США	Китай	Япония	Германия	Республика Корея	Россия
Объем валового внутреннего продукта, трлн долл. США	21 433	14 279	5081	3861	1646	1699
Численность населения, млн чел.	328	1397	126	83	51	144
Годовой объем продаж промышленных роботов, тыс. единиц	33,3	140,5	49,9	20,5	27,9	0,9
Плотность роботизации обрабатывающей промышленности, роботов на 10 тыс. занятых на производстве	228	187	364	346	855	5

Примечание. Составлено авторами на основе данных: World Bank. (n.d.). *GDP (current US\$)*. Retrieved May 31, 2021, from <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>; World Bank. (n.d.). *Population, total*. Retrieved May 31, 2021, from <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>; Müller, C. (2020, September 24). *World Robotics 2020*. [Conference presentation]. IFR press conference, Frankfurt, Germany. https://ifr.org/downloads/press2018/Presentation_WR_2020.pdf

Показатель численности населения важен в контексте сравнения стран по плотности роботизации. Очевидно, что для густонаселенных стран естественным является относительно более низкое количество роботов по отношению к занятым. Этим объясняется расхождение данных по Китаю: при лидирующих показателях продаж промышленных роботов на протяжении уже ряда лет плотность роботизации в стране по-прежнему относительно невысока. Вместе с тем, даже имеющийся уровень в 187 устройств на 10 тыс. работников сферы производства превышает общемировой показатель в 133 устройства.

Анализ соответствующего уникального опыта США и Китая заслуживает рассмотрения в рамках отдельной работы и не в полной мере соответствует целям настоящего исследования.

С учетом всех изложенных соображений авторами для дальнейшего анализа отобраны относительно более близкие к России по совокупности показателей страны — Республика Корея, Япония и Германия. Как представляется, выбор указанных стран наиболее обоснован и позволит выявить лучшие практики, применение которых может способствовать развитию отечественной робототехники.

Следующим этапом исследования является компаративный анализ отобранных стран в формате матрицы, представленный в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Компаративный анализ регулирования робототехники в странах-лидерах отрасли /
Comparative Analysis of Robotics Regulation in Industry Leading Countries

Критерий	Республика Корея	Япония	Германия	Россия
Нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы разработки и использования робототехники	+	–	–/+	–
Государственная программа развития робототехники	+	+	+	+
Органы государственной власти и иные государственные организации, ответственные за регулирование в области робототехники	+	–	–	–
«Регуляторные песочницы»	+	+	+	+

Примечание. Разработана авторами.

Дискуссия

В целях комплексной оценки национальных мер регулирования и поддержки робототехники представляется необходимым составить профили упомянутых государств-лидеров соответствующей отрасли.

Обращает на себя внимание опыт Республики Корея. Страна до последнего времени считалась мировым лидером по показателю плотности роботизации промышленности, лишь недавно уступив первенство новому лидеру — Сингапуру.

Столь серьезные успехи Республики Корея неслучайны и представляют собой результат последовательной политики государства в области содействия развитию робототехники.

Так, в 2008 г. в стране был принят Закон от 28.03.2008 г. № 9014 о содействии развитию и распространению умных роботов (Intelligent Robots Development And Distribution Promotion Act). Данный нормативно-правовой акт является одним из первых в мире профильных документов подобного уровня и содержит как элементы регулирования робототехники, так и основы национальной стратегии развития отрасли.

Законом закреплен термин «умный робот», определяемый как «механическое устройство, которое способно воспринимать окружающую среду, распознавать обстоятельства, в которых оно функционирует, и целенаправленно передвигаться самостоятельно»³.

Важным нововведением стало учреждение во исполнение Закона в 2008 г. Корейского института развития робототехники (Korea Institute for Robot Industry Advancement — KIRIA). Ведомство

³ Исследовательский центр проблем регулирования робототехники. (2008). Закон о содействии развитию и распространению умных роботов. https://robopravo.ru/zakon_iuzhnoi_koriei_2008

определено в качестве головного органа, ответственного за регулирование и развитие робототехнической отрасли. В круг задач института, в частности, входят: разработка политики в области робототехники; сбор и анализ отраслевой статистики; организация выставок и иных мероприятий, направленных на продвижение корейского роботостроения, в том числе за рубежом; разработка этических правил, реализация пилотных проектов; участие в международной работе по стандартизации в соответствующей области; содействие развитию производства роботов и т. д. (<https://kiria.org/eng/>).

Контроль деятельности Корейского института развития робототехники, а также общий надзор в области роботостроения возложен на Министерство торговли, промышленности и энергетики Республики Корея.

Законом о содействии развитию и распространению умных роботов предусмотрена разработка основных пятилетних планов развития умных роботов. С февраля 2018 г. в Республике Корея реализуется третий по счету план под названием «Стратегия развития производства умных роботов», ключевыми элементами которого являются 4 «дорожные карты» в таких областях, как проекты по разработке и популяризации коллаборативных и сервисных роботов, повышение инновационного потенциала роботостроения, развитие робототехнического рынка и мер государственной поддержки, повышение общественной осведомленности в области робототехники⁴.

В частности, Правительство Республики Корея поставило цель расширить масштабы продаж отечественной робототехники до уровня в 6 млрд долл. США к 2022 г., а также увеличить до 25 количество малых и средних предприятий в области робототехники с объемом продаж свыше 45,9 млн долл. США. Реализация соответствующих мер позволит обеспечить создание дополнительных 7 тыс. высокотехнологичных рабочих мест, доведя соответствующий совокупный показатель по отрасли до уровня в 36 тыс., а также добиться повышения уровня локализации производства базовых элементов робототехники до 60 % в 2022 г. (против 41,1 % в 2016 г.)⁵.

Отдельного внимания заслуживают положения Закона о содействии развитию и распространению умных роботов, связанные с реализацией проекта особых экономических зон Robot Land. Как отмечают эксперты Лаборатории робототехники Сбербанка, «в таких зонах государство частично финансирует создание объектов инфраструктуры. Что более важно, вводится режим одного окна. Получение разрешения на создание такой зоны и реализация проекта в ней заменяет собой огромное количество согласований (более двух десятков)»⁶.

В соответствии с имеющейся в открытом доступе на момент проведения настоящего исследования информацией, на территории Республики Корея развернуты два тематических технопарка — Masan Robot Land в городе Чханвон в юго-восточной части Корейского полуострова (Ivanov et al., 2020), а также Incheon Robot Land в городе Инчхон на северо-западе страны (Jun, 2009). По оценкам специалистов, инвестиции в парк Robot Land в Инчхоне могут достигать 600 млн долл. США (Park, 2013).

О востребованности Закона о содействии развитию и распространению умных роботов свидетельствует тот факт, что с момента принятия поправки в него вносились 15 раз. В частности,

⁴ Sang-mo, K. (2018, August 17). *Policy directions for S. Korea's robot industry*. Business Korea. <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=24394>

⁵ Jin-young, C. (2018, February 8). *S. Korea to promote collaborative robotics for manufacturing field*. Business Korea. <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=20497>

⁶ Лаборатория робототехники Сбербанка. (2019, 17 июля). *Аналитический обзор мирового рынка робототехники 2019*. https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/pdf/sberbank_robotics_review_2019_17.07.2019_m.pdf

законом от 12.06.2018 № 15645 действие данного нормативно-правового акта было продлено еще на десять лет до 30 июня 2028 г.⁷ По оценкам экспертов, «совокупный эффект от внедрения Закона в 2010–2014 гг. составил около 32 млрд долларов США»⁸.

В Республике Корея в сфере робототехники действуют также особые правовые режимы, допускающие возможность проведения экспериментов с новыми технологиями. Так, благодаря действующей «регуляторной песочнице», роботы с элементами Искусственного интеллекта в период пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 смогли обеспечить бесконтактную доставку еды и иных заказов жителям районов Магок и Кансео столицы страны — Сеула (Pak, 2021).

Таким образом, представляется возможным утверждать, что Республика Корея обладает развитой системой регулирования и поддержки робототехники, включающей профильную нормативно-правовую базу, программу развития отрасли и ответственные за ее реализацию госструктуры, экспериментальные правовые режимы.

В данном контексте представляет большой интерес опыт ближайшего конкурента Республики Корея в секторе робототехники в азиатском регионе — Японии.

С середины XX века Япония входила в число абсолютных лидеров отрасли робототехники, как по количеству ведущих мировых робототехнических компаний, так и по показателю плотности роботизации, однако с середины 2010-х гг. ситуация стала меняться не в пользу Токио.

Как представляется, не последнюю роль в установлении соответствующей тенденции сыграли местные особенности подхода к управлению отраслью робототехники.

Так, на современном этапе в Японии представлены не все элементы системы целостного регулирования робототехники. В частности, в ходе исследования не удалось установить наличие в стране единого профильного нормативно-правового акта.

Роль ключевого национального документа в области робототехники выполняет принятая в 2015 г. «Новая робототехническая стратегия». Стратегия содержит механизм пятилетних планов «Инициатива робототехнической революции», нацеленный на сохранение Японией лидерства в соответствующей сфере. Планом предусматриваются активное внедрение международных стандартов, обмен лучшими практиками, участие Японии в двусторонних и многосторонних отраслевых проектах, активизация НИОКР и подготовки кадров⁹.

Тремя «колоннами» Инициативы являются:

- 1) «резкое повышение творческих способностей роботов» (Япония, по замыслу авторов Инициативы, должна выступить в качестве глобального инновационного центра робототехники нового поколения);
- 2) «широкое применение и популяризация робототехники» (страна в данном контексте планирует стать лидером по применению роботов в широком спектре областей человеческой деятельности);

⁷ Korea Legislation Research Institute. (2008). *Intelligent robots development and distribution promotion act*. https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawTwoView.do?hseq=39153

⁸ Архипов, В.В., Бакуменко, В.В., Наумов, В.Б., Незнамов, А.В., Побрызгаева, Е.П., Смирнова, К.М., Тютюк, Е.В., Волынец, А.Д. (2018). *Отчет о научно-исследовательской работе по теме: Исследование в области развития законодательства о робототехнике и киберфизических системах, в том числе, в части определения понятия киберфизических систем, порядка ввода их в эксплуатацию и гражданский оборот, определения ответственности*. Дентонс Юроп. <https://u.to/rBbcGw>

⁹ The headquarters for Japan's economic revitalization. (2015). *New robot strategy*. Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. https://www.meti.go.jp/english/press/2015/pdf/0123_01b.pdf

3) «глобальное развитие и распространение робототехнической революции» (Токио ставит перед собой задачу занять ведущие позиции в использовании роботов в сочетании с элементами Искусственного интеллекта, Интернетом вещей, Большими данными).

Важное внимание в плане уделяется полевым испытаниям устройств робототехники. В этом контексте необходимо отметить успехи, которые удалось достигнуть японской стороне на данном направлении.

Так, с 2003 г. в префектуре Фукуока функционирует первая в мире специальная зона для проведения экспериментов и развития робототехники «Токку» (Tokku Special Zone). По сути, данная зона представляет собой одну из первых «регуляторных песочниц», на территории которой введен экспериментальный правовой режим, позволяющий проводить испытания робототехники в реальных условиях. В ее рамках еще в 2004–2007 гг. был успешно проведен эксперимент по эксплуатации двуногих роботов на дорогах общего пользования. (Weng et al., 2015) Позднее аналогичные зоны были созданы в префектурах Осака, Гифу, Канагава и др.

Задачи по контролю и развитию робототехнической отрасли в Японии закреплены за Министерством экономики, торговли и промышленности, однако специализированное государственное агентство, ответственное за соответствующую область, отсутствует. Отчасти функции по сбору статистики, участию в выработке отраслевых стандартов, содействию НИОКР и выполнению ряда иных задач возложены на Ассоциацию робототехники Японии (Japan Robot Association — JARA)¹⁰. Вместе с тем, Ассоциация не имеет статуса государственной организации, что существенно ограничивает возможности ее влияния на национальную робототехническую отрасль.

Возможно предположить, что замедление темпов развития робототехники в Японии в 2010-х гг. может быть связано с внедрением высоких стандартов качества и безопасности. Так, в 2007 г. Министерство экономики, торговли и промышленности Японии издало Руководство по безопасности для нового поколения роботов. Эксперты отмечают, что целью данного Руководства является закрепление основных подходов к безопасному использованию роботов на всех этапах их эксплуатации, в том числе на стадиях проектирования, производства, импорта, установки, обслуживания, ремонта, продажи и применения. (Nambu, 2016).

Вместе с тем, в свете актуальных для Японии демографических тенденций старения населения и сокращения рождаемости не вызывает сомнения востребованность продолжения японским руководством разработки гибкого законодательства и выстраивания системы эффективного управления отраслью робототехники.

Значительный интерес вызывает опыт Германии. В данном контексте необходимо отметить, что страна не только является одним из лидеров в области робототехники в самостоятельном качестве, но и входит в Европейский союз, который уже в качестве интеграционного объединения представляет собой значимого игрока на мировом рынке робототехники.

В Германии расширение использования робототехники рассматривается в более широком контексте, не столько в разрезе отдельной отрасли, сколько как часть общего обновления экономики, становления новой экономической модели. Неслучайно с 2011 г. в стране была разработана и реализована государственная программа Industrie 4.0 (часть национальной стратегии High-Tech Strategy 2020), подразумевавшая коренную перестройку обрабатывающей промышленности с использованием Интернета вещей, робототехники, сетей связи нового поколения и других современных технологий. Данная программа дала название экономической концепции Четвертой промышленной революции, системного

¹⁰ Japan Robot Association. (n.d.). *Major activities*. <https://www.jara.jp/e/about/activities.html>

преобразования мировой экономики на основе взаимодополняющего использования сквозных цифровых технологий. Значительный вклад в развитие и популяризацию данной концепции внес, в частности, немецкий экономист, президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб.

На момент написания настоящей работы в Германии действует новая национальная стратегия высоких технологий до 2025 г. (The High-Tech Strategy 2025), в которой также отражены положения, связанные с развитием робототехники. Вместе с тем, необходимо констатировать, что новая стратегия содержит большой уклон в сторону проблематики Искусственного интеллекта¹¹.

Германия стала одной из первых стран, где были приняты поправки к Закону о дорожном движении, регламентирующие использование высокоавтоматизированных автомобилей. Важной особенностью данного закона является установление размеров выплат за причиненный в случае использования таких транспортных средств ущерб¹². Вместе с тем, упомянутый документ представляет собой пример регулирования отдельной отрасли. Всеобъемлющий нормативно-правовой акт, регулирующий различные аспекты использования робототехники в Германии, на момент проведения настоящего исследования отсутствовал.

В части административного регулирования полномочия в отношении робототехники распределены между рядом министерств и ведомств, в том числе Федеральным министерством экономики и энергетики, Федеральным министерством образования и научных исследований, Федеральным министерством транспорта и цифровой инфраструктуры и другими в зависимости от курируемых вопросов.

Германия, как другие страны-лидеры в области робототехники, применяет практику «регуляторных песочниц». Так, к примеру, в 2017 г. в Гамбурге службой доставки Hermes был протестирован автономный робот-доставщик с индивидуальным разрешением на освобождение от соблюдения Правил регистрации и лицензирования транспортных средств и Правил дорожного движения Германии¹³.

Как было отмечено выше, учитывая членство Германии в Евросоюзе, представляется не лишним остановиться на основных подходах ЕС к проблематике регулирования робототехники.

Европейский союз уделяет большое внимание развитию роботостроения. Так, в 2012 г. было положено начало Партнерству по развитию робототехники в Европе (The Partnership for Robotics in Europe — SPARC), направленному на системное содействие развитию робототехники в сфере производства, здравоохранения, сельского хозяйства, государственного управления, торговли, логистики и транспорта и иных областях. Совокупный бюджет инициативы составил 700 млн евро в форме грантов Европейской комиссии¹⁴.

В 2012 г. Европейской комиссией был инициирован проект Robolaw, направленный на систематизацию и анализ существующих мер регулирования в области робототехники. Исследователи

¹¹ Federal Ministry of Education and Research of Germany. (2021). *The high-tech strategy 2025*. The Federal Government. https://www.bmbf.de/upload_filestore/pub/Research_and_innovation_that_benefit_the_people.pdf

¹² Исследовательский центр проблем регулирования робототехники. (2017). *Восьмой закон о внесении изменений в Закон о дорожном движении от 16 июня 2017 г.* https://robopravo.ru/iniatsiivny_frantsii_v_sferie_robototiekhniki_2013_2

¹³ Federal Ministry for Economic Affairs and Energy of Germany. (2019). *Making space for innovation. The handbook for regulatory sandboxes*. The Federal Government. https://www.bmwi.de/Redaktion/EN/Publikationen/Digitale-Welt/handbook-regulatory-sandboxes.pdf?__blob=publicationFile&v=2

¹⁴ EU Robotics. (n.d.). *What is SPARC? The partnership for robotics in Europe*. <https://www.eu-robotics.net/sparc/about/index.html>

в рамках проекта затронули проблематику терминологии, правовых, а также этических норм. (Palmerini et al., 2016) Во многом, результаты работы легли в основу Резолюции Европейского парламента от 16.02.2017 № 2015/2103(INL) «Нормы гражданского права о робототехнике». Документ содержит подходы к определению основных терминов робототехники, установлению ответственности и иным значимым проблемам отрасли, а также целый ряд принципиально новых положений, таких как предложения о создании Европейского агенства по робототехнике и Искусственному интеллекту и введении статуса «электронных личностей» для роботов¹⁵. Не все из данных инициатив были реализованы на практике, однако можно утверждать, что соответствующий документ является значимым образцом мягкого права, и многие из его положений могут быть вновь рассмотрены в дальнейшем.

Описанный выше опыт представляется важным для учета при разработке мер регулирования отечественной отрасли робототехники.

Необходимо отметить, что определенный задел на данном направлении в России уже сформирован. Так, в рамках федерального проекта «Цифровые технологии» национального проекта «Цифровая экономика» разработана Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Компоненты робототехники и сенсорики», предусматривающая совокупное финансирование отрасли в объеме порядка 133 млрд руб.¹⁶ Дорожная карта сфокусирована на развитии таких субтехнологий, как сенсоры и цифровые компоненты робототехнических комплексов для человеко-машинного взаимодействия, технологии сенсорно-моторной координации и пространственного позиционирования, а также сенсоры и обработка сенсорной информации.

В России уже имели место попытки разработки профильного отраслевого регулирования. По инициативе председателя совета директоров Mail.ru Group Д. С. Гришина юристами компании Dentons был подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники». Законопроект, в частности, предусматривал создание единого государственного реестра роботов-агентов, применение к отношениям с участием роботов-агентов гражданского законодательства о юридических лицах, регламентацию вопросов собственности и ответственности и ряд других положений¹⁷.

Значительным продвижением в решении указанных выше вопросов является утверждение распоряжением Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 г. № 2129-р Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года. Документ носит концептуальный характер и направлен на «определение основных подходов к трансформации системы нормативного регулирования в Российской Федерации для обеспечения возможности создания и применения технологий [искусственного интеллекта и робототехники] в различных

¹⁵ Resolution 2015/2103 (INL) of the European Parliament of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics. https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_EN.pdf

¹⁶ Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. (2019). *Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии. «Компоненты робототехники и сенсорики»*. <https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019robototehnika-i-sensorika.pdf>

¹⁷ Гришин, Д. С. (2017). *Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники»*. Исследовательский центр проблем регулирования робототехники. <https://robopravo.ru/uploads/s/z/6/g/z6gj0wkwvhv1o/file/My74kFFZ.pdf>

сферах экономики с соблюдением прав граждан и обеспечением безопасности личности, общества и государства»¹⁸.

Примечательно, что в России созданы правовые условия для разработки роботов в рамках «регуляторных песочниц». Постановлением Правительства Российской Федерации от 28.10.2020 г. № 1750 робототехника была утверждена в составе перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций¹⁹.

Таким образом, по итогам проведенного анализа российских подходов к управлению отраслью робототехники стоит обратить внимание на отсутствие единого закона о робототехнике, а также специализированного государственного агентства. Справедливо заметить, что аналогичная ситуация наблюдается также в Японии и Германии. В данном контексте представляется целесообразным рекомендовать при разработке профильного отраслевого регулирования в большей степени ориентироваться на опыт Республики Корея, сформировавшей комплексную систему управления отраслью.

Заключение

Проведенное исследование позволило установить перечень критериев развитой системы регулирования и поддержки робототехники, к числу которых авторами отнесены наличие нормативно-правового акта, регулирующего вопросы разработки и использования роботов, ответственной государственной структуры в области робототехники, государственной программы развития роботостроения и «регуляторной песочницы», позволяющей апробировать новые технологии.

Результаты работы свидетельствуют о том, что не все страны даже из числа лидеров отрасли обладают всеми элементами, необходимыми для всеобъемлющего регулирования и развития робототехники. Так, из стран, отобранных методом бенчмаркинга для проведения сравнительного анализа — Республика Корея, Япония, Германия и Россия — все компоненты системы регулирования имеются только у Республики Корея.

Представляется, что в сфере регулирования робототехники у России имеется определенный задел в виде профильных дорожной карты и концепции, а также созданных правовых условий для тестирования новых технологий в рамках «регуляторной песочницы». Вместе с тем, отечественная система регулирования робототехники может быть дополнена принятием отраслевого нормативно-правового акта, а также учреждением профильного государственного агентства. При принятии данных мер авторы полагают целесообразным учитывать опыт Республики Корея.

Важно отметить, что рассмотренная тема отличается высокой динамикой развития, что, по мнению авторов, свидетельствует о необходимости продолжения соответствующего исследования.

¹⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года». Собрание законодательства Российской Федерации, 2020, № 35, статья 5593. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008260005>

¹⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 28.10.2020 г. № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций». Собрание законодательства Российской Федерации, 2020, № 44, статья 7003. <http://static.government.ru/media/files/o8LH12RcKX2aDbzO0yGYp78LPATZqU7.pdf>

Список литературы / References:

1. Ivanov, S., Webster, C., & Berezina, K. (2020). Robotics in tourism and hospitality. In Z. Xiang, M. Fuchs, U. Gretzel, & W. Höpken (Eds.), *Handbook of e-tourism* (pp. 1–27). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-030-05324-6_112-1
2. Jun, E. (2009). Korea's robotland: Merging intelligent robotics strategic policy, business development, and fun. In J.-H. Kim, S. S. Ge, P. Vadakkepat, N. Jesse, A. A. Manum, S. Puthusserypady, U. Rückert, J. Sitte, U. Witkowski, R. Nakatsu, T. Braunl, J. Baltes, J. Anderson, C.-C. Wong, I. Verner, & D. Ahlgren (Eds.), *Lecture Notes in Computer Science: Vol. 5744. Advances in robotics. FIRA 2009* (pp. 4–4). Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-642-03983-6_4
3. Nambu, T. (2016). Legal regulations and public policies for next-generation robots in Japan. *AI & Society*, 31(4), 483–500. <https://doi.org/10.1007/s00146-015-0628-1>
4. Pak, M. (2021). Promoting the diffusion of technology to boost productivity and well-being in Korea. (Working Papers No. 1653). OECD Economics Department. <https://doi.org/10.1787/51ea75a5-en>
5. Palmerini, E., Bertolini, A., Battaglia, F., Koops, B.-J., Carnevale, A., & Salvini, P. (2016). RoboLaw: Towards a European framework for robotics regulation. *Robotics and Autonomous Systems*, 86, 78–85. <http://dx.doi.org/10.1016/j.robot.2016.08.026>
6. Park, F. C. (2013). Robotics in Korea [Regional]. *IEEE Robotics & Automation Magazine*, 20(1), 99–100. <https://doi.org/10.1109/MRA.2012.2236253>
7. Weng, Y. H., Sugahara, Y., Hashimoto, K., & Takanishi, A. (2015). Intersection of “Tokku” special zone, robots, and the law: A case study on legal impacts to humanoid robots. *International Journal of Social Robotics* 7(5), 841–857. <https://doi.org/10.1007/s12369-015-0287-x>

Сведения об авторах:

Пичков О. Б. — кандидат экономических наук, доцент, декан факультета международных экономических отношений Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России, Москва, Россия.
ORCID 0000-0003-1210-2066

Уланов А. А.* — кандидат экономических наук, заместитель проректора по правовым и административным вопросам Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университет) МИД России, Москва, Россия.
a.ulanov@inno.mgimo.ru
ORCID 0000-0002-9878-5875

Information about the authors:

Oleg B. Pichkov — Ph.D. in Economics, Associate Professor, Dean of School of International Economic Relations, MGIMO University, Moscow, Russia.
ORCID 0000-0003-1210-2066

Alexander A. Ulanov* — Ph.D. in Economics, Deputy Vice-Rector for legal and administrative issues, MGIMO University, Moscow, Russia.
a.ulanov@inno.mgimo.ru
ORCID 0000-0002-9878-5875

СТАТЬИ

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Н.Д. Потапова¹, А.В. Потапов^{2*}

¹Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
160001, Россия, Вологда, ул. Марии Ульяновой, 18

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

Аннотация

В статье анализируется проблема использования цифровых технологий и интернет-пространства в рамках трудового права на основе не только действующих нормативных правовых актов, но и законопроектов в области цифровизации трудовых отношений. При этом целью исследования является обобщение действующего и будущего российского законодательства, выявление противоречий, пробелов законодательства, оценка его с практической точки зрения, а также выработка предложений по его совершенствованию с учетом имеющегося опыта, полученного в ходе экспериментов по внедрению электронного документооборота отдельными работодателями. Достижение целей исследования обеспечивается использованием формально-юридических методов. Прежде всего, статья обращает внимание на тенденцию расширения дифференциации правового регулирования труда, вызванную многими факторами, включая информатизацию всех общественных отношений. Делается вывод о том, что переход к инновационной социально ориентированной экономике невозможен без гибкого рынка труда с новыми направлениями занятости, в т. ч. через использование информационных ресурсов. Анализируя практические аспекты электронного документооборота, в статье затрагивается теоретический аспект существования информационного правоотношения в предмете трудового права. При анализе законопроектов и действующего законодательства сделан акцент на спорных формулировках и подчеркивается, что их некорректность создает высокие риски возникновения трудовых споров. Авторы настаивают на том, что при введении электронного документа оборота сторонам трудовых отношений должна быть обеспечена альтернатива действий; отстаивают мнение о необходимости уточнения сведений, передаваемых работодателем в ПФР при ведении электронных трудовых книжек в части включения в них сведений о награждениях работника; предлагают определить порядок формирования кадровых служб в ТК РФ. В заключение подводится итог о том, что все предлагаемые инициативы направлены на обеспечение задач государства по внедрению цифровых технологий во все сферы общественной жизни, в том числе и в трудовых отношениях и, в конечном итоге, — на достижение оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений и интересов государства, что является главной целью трудового законодательства.

Ключевые слова

цифровизация в трудовых отношениях, юридически значимые сообщения, электронный трудовой договор, электронная трудовая книжка, электронный кадровый документооборот, дистанционный труд

Конфликт интересов

Авторы сообщают об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имело спонсорской поддержки.

Для цитирования

Потапова, Н. Д., Потапов, А. В. (2021). К вопросу о цифровизации трудовых отношений: теоретические и практические аспекты. *Цифровое право*, 2(2), 45–64. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-2-45-64>

* Автор, ответственный за переписку

Поступила: 24.05.2021; принята в печать: 16.06.2021; опубликована: 30.06.2021

ARTICLES

ON THE ISSUE OF THE DIGITALIZATION OF LABOR RELATIONS: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Natalya D. Potapova¹, Andrey V. Potapov^{2*}

¹North-Western Institute (branch) of Moscow State University of Law named after O.E. Kutafin

18, str. Maria Ulyanova, Vologda, Russia, 160001

²Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

Abstract

The article analyzes the problem of using digital technologies and the online space within the framework of labor law, based not only existing regulatory legal acts but also legislative drafts in the field of the digitalization of labor relations. Therewithal, the purpose of the study is to generalize current and future Russian legislation, to manifest the contradictions and gaps in the legislation, to evaluate laws and regulations from a practical point of view, and to elaborate proposals for their improvement. For this purpose, the authors take into account the existing experience gained in the course of experiments on the introduction of electronic document management by individual employers. The achievement of the research goals is ensured by the use of the formal legal method. First of all, the article draws attention to the tendency of expanding the differentiation of the labor regulation, caused by many factors, including the informatization of all social relations. It is concluded that the transition to an innovative, socially-oriented economy is impossible without a flexible labor market with new areas of employment, including employment through the use of information technology resources. Analyzing the practical aspects of electronic workflow, the article covers the theoretical aspect of the existence of the so-called “information legal relationship” in the subject of labor law. The analysis of the legislative drafts and the current legislation focuses on controversial wording and emphasizes that their incorrectness creates high risks of labor disputes. The authors insist that when introducing an electronic workflow, the parties should be provided with an alternative to the actions. The authors defend the view that it is necessary to clarify the scope of information transmitted by the employer to the Pension Fund of the Russian Federation when maintaining

electronic employment record books with regard to the inclusion of information about employee awards in them. They also propose determining the procedures of the formation of human resources services in the Labor Code of the Russian Federation. As a final point, it is concluded that all the proposed initiatives are aimed at ensuring the tasks of the state for the introduction of digital technologies in all areas of social life, including in labor relations, and, ultimately, at achieving the optimal balance between the interests of the parties of the labor relations and the interests of the state, which is the main goal of labor legislation.

Keywords

digitalization in labor relations, legally relevant messages, electronic employment agreement, electronic employment record book, electronic personnel document management, remote labor

Conflict of interest The authors declare no conflict of interest.

Financial disclosure The study had no sponsorship.

For citation Potapova, N. D., Potapov, A. V. (2021). On the issue of digitalization of labor relations: Theoretical and practical aspects. *Digital Law Journal*, 2(2), 45–64. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-2-45-64>

* Corresponding author

Submitted: 24 May 2021, accepted: 16 Jun. 2020, published: 30 Jun. 2021

Создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений — основная задача трудового законодательства, которое стремится идти в ногу со временем и имеет тенденцию расширения дифференциации правового регулирования труда (Potarova, 2008; Potarova, 2013; Potarova, 2014). Причем тенденция расширения дифференциации характерна не только для России, но и для других стран, что вызвано многими факторами, включая информатизацию всех общественных отношений.

Уже более пяти лет назад на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2016 г. было заявлено о переходе в четвертую промышленную революцию через интернетизацию всех сфер жизни общества, а сейчас заявляется о планах по переходу к Индустрии 5:0, как пятой промышленной революции, которая позволит в будущем объединить потенциал искусственного интеллекта, «цифры» и человека. Изменения в регулировании отношений в сфере труда, их цифровизация находятся под пристальным вниманием Международной организации труда, в частности, можно назвать доклад генерального директора МБТ «Инициатива столетия, касающаяся будущего сферы труда» (2015 г.)¹, доклад Глобальной комиссии по вопросам будущего сферы труда² и другие, которые посвящены нестандартным формам занятости на фоне стремительного развития информационных технологий.

Конечно сегодня Россия не может находиться в изоляции от глобальных тенденций, происходящих на планете, в том числе в сфере регулирования экономики и труда. Президент Российской Федерации В. В. Путин в Посланиях Федеральному Собранию РФ

¹ Международная конференция труда. (2015). Доклад Генерального директора Международного бюро труда «Инициатива столетия, касающаяся будущего сферы труда». Женева. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/%40ed_norm/%40relconf/documents/meetingdocument/wcms_369620.pdf

² Глобальная комиссия по вопросам будущего сферы труда. (2019). *Работать ради лучшего будущего*. Женева. https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---cabinet/documents/publication/wcms_662472.pdf

неоднократно обозначал одной из приоритетных целей — создание мощной научно-технологической базы, опережающий темп роста производительности труда, прежде всего на основе новых технологий и цифровизации, подготовка современных кадров и формирование конкурентоспособных отраслей³.

Не вызывает сомнений тот факт, что переход к инновационной социально ориентированной экономике невозможен без гибкого рынка труда с новыми направлениями занятости, в т. ч. через использование информационных ресурсов. Последние два года — годы пандемии особенно ярко продемонстрировали активное использование информационных ресурсов во всех сферах общественной жизни, в том числе и в сфере труда, когда значительное количество работников осуществляли свою трудовую функцию дистанционно.

Проблема использования цифровых технологий и интернет-пространства в рамках трудового права не является новой: о планах по цифровизации труда, применению электронного кадрового документооборота речь шла во многих государственных концепциях, прогнозах и стратегиях, да и в настоящее время активно развивается это направление. Так, на необходимость внедрения электронного кадрового документооборота было обращено внимание еще в 2013 году в п.п. 1.1 дорожной карты «Повышение качества регуляторной среды для бизнеса»⁴. В 2017 году была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы⁵, в которой подчеркивается, что главным способом обеспечения эффективности цифровой экономики становится внедрение технологии обработки данных, что позволит уменьшить затраты при производстве товаров и оказании услуг, а также в качестве основных целей акцентируется внимание на стимулировании российских организаций в целях обеспечения работника условий для дистанционной занятости. Кроме того, в Стратегии ставятся цели по продвижению проектов по внедрению электронного документооборота в организациях, созданию условий для повышения доверия к электронным документам, осуществлению в электронной форме идентификации участников правоотношений, обеспечивая при этом сокращение административной нагрузки на субъектов хозяйственной деятельности вследствие использования информационных и коммуникационных технологий при проведении проверок и при сборе статистических данных, а также внедрение систем повышения эффективности труда в государственных и коммерческих организациях.

Для реализации названной Стратегии достаточно оперативно, уже через два с половиной месяца Правительством Российской Федерации была утверждена Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»⁶, в которой указано, что рынок труда должен опираться на требования цифровой экономики, а для этого необходимо не только совершенствование системы образования, которая должна обеспечивать цифровую экономику компетентными кадрами, но и создание системы мотивации по освоению необходимых компетенций и участию кадров в развитии цифровой экономики России⁷.

³ Президент России. (2019, 20 февраля). *Послание Президента Федеральному Собранию*. <http://kremlin.ru/events/president/news/59863>

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.06.2013 г. N 953-р. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201306170018>

⁵ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>

⁶ Правительство России. (2017, 30 июля). *Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»*. <http://government.ru/docs/28653/>

⁷ Правительство России, 2017.

При этом в Программе отмечено, что уже сейчас в Российской Федерации приняты некоторые нормативные правовые акты, обеспечивающие регулирование гибких трудовых отношений, в том числе дистанционных, включая нормирование труда, оптимизирующие непроизводственную затрату ресурсов (включая излишнюю отчетность) и регламентирующие использование персональной траектории развития гражданина в процессе трудовых отношений⁸. Подробный анализ некоторых из них мы постараемся представить в настоящей статье.

Действительно информационные технологии прочно вошли в нашу обыденную жизнь: мы активно пользуемся электронными госуслугами, осуществляем онлайн-покупки и платежи, сдаем электронную отчетность, получаем образование, ищем работу, работаем и отдыхаем, используя интернет, и статистика тому подтверждение. Так, Росстат опубликовал данные о том, что только за 2019 год доля жителей России, пользующихся госуслугами в электронной форме составила 77,6 % от числа тех, кто вообще обращался за получением государственных услуг⁹, не говоря уже о периоде пандемии. С начала введения в 2020 году в России электронных трудовых книжек на них уже перешли более 6 млн. человек¹⁰. Проблема заключения электронного трудового договора активно обсуждалась более пяти лет назад, еще в 2016 году в СМИ можно было встретить смелые прогнозы относительно того, что практика заключения электронных трудовых договоров может распространиться в России в течение полутора лет.

С целью оказания помощи сторонам трудовых отношений, обеспечения гибкости рынка труда, а также профилактики правонарушений в сфере труда Минтруд создал портал, позволяющий проверить содержание трудового договора на предмет его соответствия нормам ТК РФ, а также, как планировалось в будущем, — с целью дистанционного заключения трудовых договоров в электронной форме через ГИС «Электронный трудовой договор». Еще в 2016 году планировалось, что через систему «Электронный трудовой договор» стороны будут иметь возможность составить непосредственный текст трудового договора и подписать его с помощью электронной подписи, а документы в бумажной форме работник мог бы получать через МФЦ. Такой документ могли бы заверять работники центра, имеющие доступ ко всем документам ГИС, т. е. изначально предполагалось ведение полной базы данных о работодателях и работниках, имеющих электронные подписи.

Обеспечивая защиту прав и интересов работника и работодателя, Роструд уже многие годы предоставляет безграничные электронные услуги: сервис для работников «Проверь трудовой договор!», а для ищущих работу — «Работа в России», которые позволяют оценить условия трудового договора на предмет соответствия их действующему законодательству, а в случаях выявления нарушений работник может, не выходя из дома, обратиться в Государственную инспекцию труда (далее — ГИТ) через другой сервис портала — «Сообщить о проблеме» (<https://trudvsem.ru>; <https://онлайнинспекция.рф>), а работодатель путем использования проверочных листов (чек-листов) может заранее подготовиться к проверке ГИТ и самостоятельно оценить уровень своей осведомленности с точки зрения трудового законодательства (Potapova & Potapov, 2017).

Информация в современном мире имеет огромное значение, и трудовые отношения здесь не являются исключением. Как отмечено в специальной литературе (Vasilyev, 2013),

⁸ Правительство России, 2017.

⁹ Костылева, Т. (2020, 3 апреля). Доля пользователей электронных госуслуг в России выросла за год до 77,6 % — Росстат. D-Russia. <https://d-russia.ru/dolja-polzovatelej-elektronnyh-gosuslug-v-rossii-vyrosla-za-god-do-77-6-rosstat.html>

¹⁰ Пенсионный фонд Российской Федерации. (2021, 26 января). Более 6 млн россиян перешли на электронный трудовой книжки. https://pfr.gov.ru/press_center/-2021/01/26/219243

впервые понятие трудовправовой информации было затронуто еще в 1986 году В.И. Савичем, который рассматривает информационное правоотношение как часть трудового (Savich, 1986). В дальнейшем среди ученых продолжается дискуссия относительно информации и цифровизации в трудовом праве. Мы поддерживаем позицию А.М. Лушниковой и М.В. Лушниковой (Lushnikova & Lushnikov, 2004), которые еще в 2004 году обосновали наличие нового отношения между работником и работодателем в предмете трудового права по поводу информации, для которого характерны следующие принципы: конфиденциальности и ограниченности доступа; достоверности и полноты информации; целевой характер информации; свобода доступа работника к информации о себе; гарантированная защита информации. Более того, подчеркивается, что в информационных правоотношениях участвуют не только стороны трудовых отношений, но и субъекты производных от трудовых отношений. На основе проведенных исследований они предлагают выделить в качестве самостоятельного института трудового права (общей части) информационное трудовое право¹¹. Понятие информационных отношений, характеристика их видов, проблемы сочетания трудового права и цифровой экономики являются предметом научных исследований многих ученых и в настоящее время (Raudshhteyn, 2010; Savoskin & Rozhkova, 2021; Dun, et al., 2020; Lyutov & Voitkovska, 2021)¹².

Итак, во исполнение намеченных целей Правительством РФ и профильными Министерствами в разное время были подготовлены интереснейшие законопроекты в части использования документов в электронной форме, направленные, в том числе и на реализацию возможностей использования в трудовых отношениях документов в электронной форме. Раскроем некоторые из них.

Начнем с законопроекта 2016 года¹³ о внесении в ТК РФ ст. 8.1, в которой предлагалось закрепить новое понятие письменной формы документов в качестве документов, оформленных на бумажном носителе и подписанных соответствующим лицом или его представителем собственноручно и (или) документов в электронной форме, подписанных соответствующим лицом или его представителем с использованием электронной подписи. В силу предложенных изменений предусматривалось широкое использование электронной подписи в трудовых отношениях, причем ограничения и запреты возможны только в силу нормативных правовых актов на уровне РФ. По законопроекту электронный документооборот предполагает наличие электронных подписей, как у работодателя, так и у работника. В настоящее время действующее законодательство¹⁴ классифицирует электронную подпись на два вида: простая (ПЭП) и усиленная (УЭП). Усиленная электронная подпись может быть квалифицированная (УКЭП) и неквалифицированная (УНЭП), причем в большинстве случаев, например, при подписании трудового договора, дополнительных соглашений к нему предполагается использование именно УКЭП. Их отличие состоит в том, что УКЭП выдается только специализированной организацией — аккредитованным удостоверяющим центром, а это определенные затраты для сторон трудового договора и выдается она на определенный срок (до 1 года). Но уже

¹¹ Лушников, А.М., & Лушников, М.В. (2009). *Курс трудового права* (Т.1). Статут.

¹² Куренной, А., Костян, И., Хныкин, Г. (2017, 17 сентября). *Цифровая экономика России. Электронное дело-производство трудовых отношений*. ЭЖ-Юрист. <https://www.eg-online.ru/article/355018/>

¹³ Доработанный проект ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (в части использования документов в электронной форме)» (подготовлен Минэкономразвития России 25.05.2016). На текущий момент не подписан.

¹⁴ Федеральный закон «Об электронной подписи», Собрание законодательства Российской Федерации 2011, N 63. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32938>

в настоящее время этот вопрос частично разрешен. Так, с 1 января 2022 года на ФНС России возлагаются функции по выпуску КЭП для юридических лиц (лиц, имеющих право действовать от имени юрлица без доверенности), индивидуальных предпринимателей и нотариусов, соответственно с этого же времени заканчивается срок действия КЭП, выпущенных коммерческими удостоверяющими центрами. Указанную Госуслугу можно будет получить совершенно бесплатно уже с июля 2021 года в ФНС России, правда пока это предусмотрено исключительно для юридических лиц (лиц, имеющих право действовать от имени юрлица без доверенности), индивидуальных предпринимателей и нотариусов, т. е. относительно работников пока речи не идет.

В настоящее время ТК РФ допускает электронный документооборот только для дистанционных работников, однако в проекте 2016 года такого ограничения не было, и это значит, что уже пять лет назад предполагалось, что электронный документооборот будет доступен для всех работников, это общая норма. Действительно ограничение сферы применения электронной формы документооборота было бы не обоснованным, т. к. это удобно, значительно ускоряет обмен информацией между сторонами трудовых отношений и укрепляет доверие к новым технологиям.

Необходимо обратить внимание на то, что ТК РФ до сих пор в ряде случаев обязывает работодателя знакомить работника со многими кадровыми документами под подпись как при приеме на работу, так и в процессе трудовой деятельности. Введение электронного документооборота, несомненно, позволяет быстро ознакомить всех работников с локальными нормативными актами, с приказами (распоряжениями) работодателя в электронном виде, что дает работнику право в удобное время внимательно изучить все документы. Считаем, что с практической точки зрения будет важным для работодателя с целью минимизации риска неознакомления на локальном уровне детализировать механизм использования электронного документооборота и закрепить его порядок, проконтролировать факт ознакомления с локальными актами, например, запросить уведомление от каждого работника, проверить их поступление.

Законопроект 2016 года предусматривал возможность использования электронной подписи в трудовых отношениях при соблюдении трех условий:

- 1) работодатель принял локальный нормативный акт, устанавливающий порядок использования электронной подписи и случаи признания электронных документов, подписанных электронной подписью, равнозначными документам на бумажных носителях;
- 2) работник ознакомлен с данным локальным нормативным актом под роспись;
- 3) работодатель принял организационно-технические меры для использования электронной подписи, в т. ч. установил порядок ее проверки, хранения электронных документов, обеспечил целостность и неизменность документов, подписанных таким образом.

Предполагалось добровольное использование электронной подписи в трудовых отношениях. При несогласии работника с порядком применения электронной подписи, установленным локальным нормативным актом, по его письменному заявлению допускалось использование собственноручной подписи. Мы согласны с позицией ученых¹⁵ о том, что законодательство должно предоставить работнику альтернативу — право получить (при наличии желания) заверенные копии документов на бумажном носителе. Заметим, что в настоящее время, несмотря на активное использование цифровых технологий в сфере труда, по-прежнему, не сложилось единого подхода в судебной практике к проблеме электронного кадрового документооборота. В связи с тем, что во многих случаях ТК РФ требует именно ознакомить работника под подпись, одни суды при введении в организации системы электронного документооборота считают

¹⁵ Куренной и др., 2017.

надлежащим ознакомлением работника с приказами (распоряжениями) работодателя через систему электронного документооборота¹⁶, другие же настаивают, что электронный документооборот допустим только для «дистанционщиков»¹⁷.

Полагаем, что до введения электронного документооборота в любой организации должен быть издан приказ о его введении, а разработка локального акта должна осуществляться с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации (ст. 372 ТК РФ), в содержании которого подробно должен быть урегулирован не только порядок использования электронной подписи, но и конкретные случаи признания электронных документов, подписанных электронной подписью, равнозначными бумажным документам, а также порядок отказа работника от использования электронной подписи. Для наиболее важных для работника документов в проекте 2016 года предполагался запрет на использование электронной подписи, например, при подписании трудового договора; ученического договора; договора о полной индивидуальной или коллективной (бригадной) материальной ответственности; коллективного договора.

Ученые совершенно справедливо отмечают (Vasilyev, 2013), что в свете развития информации и усиления ее значения в обществе особенно перспективно изучение межотраслевых связей в праве, которые могут быть основаны на уже имеющихся научных разработках (Savoskin, & Rozhkova, 2021; Dun, et al., 2020; Dvořák et al., 2020; Filipova, 2020; Mal'tsev & Mal'tseva, 2020)¹⁸.

Действительно, можно утверждать, что нормы ГК РФ уже с 1 октября 2019 года заложили основу для регулирования отношений в рамках цифровой экономики, которые уже сейчас оказывают влияние на реформирование других отраслей права. В частности, можно привести в пример ст. 165.1 ГК РФ, согласно которой юридически значимые сообщения, приобретают правовые последствия для соответствующего лица с момента доставки ему (его представителю) этого сообщения. В этой связи нельзя не упомянуть тот факт, что пока для регулирования трудовых отношений сообщения между работодателем и работником такого значения не имеют, но для урегулирования этой проблемы как раз и направлен проект Федерального закона № 736455-7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» от 21 июня 2019 г. (ст.ст. 15.1- 15.3 ТК РФ) о юридически значимых сообщениях сторон трудового договора, который прошел первое чтение в Государственной Думе РФ.

В Пояснительной записке¹⁹ к названному законопроекту обращено внимание на то, что отсутствие в ТК РФ правил, определяющих порядок доставки юридически значимых сообщений, в т. ч. в случаях, когда такие сообщения направляются не в виде бумажного документа, создает опасную для трудового правоотношения неопределенность.

Итак, под юридически значимыми сообщениями предлагается считать любые акты взаимодействия между сторонами трудового договора, совершаемые ими в целях передачи определенной юридически значимой информации. Согласно проекту они могут передаваться тремя способами, в т.ч. при личном присутствии сторон трудового договора (ознакомление

¹⁶ Определение Орловского областного суда от 29.03.2019 № 33-751/2019, Определение Московского городского суда от 14.09.2018 № 4г-10976/2018, Определение Санкт-Петербургского городского суда от 11.08.2015 № 33-11593/2015.

¹⁷ Определение Пермского краевого суда от 07.08.2019 № 33-8084/2019.

¹⁸ Чельшев, М. Ю. (2008). *Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование* [неопубликованная диссертация на соискание степени доктора наук]. Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина.

¹⁹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации», 2019, № 736455-7. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/736455-7>

под роспись), по почте или путем направления документа (информации) с использованием электронных или иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сообщения. Обращает на себя внимание тот факт, что в проекте законодатель предлагает некую новую терминологию относительно «личного присутствия» сторон трудового отношения, когда как в действующем ТК РФ используются термин «под роспись». Порядок обмена юридически значимыми сообщениями может быть предусмотрен в трудовом договоре, локальном нормативном акте, коллективном договоре, соглашении, но при этом установлена гарантия — не ухудшение положения работника по сравнению с ТК РФ. На наш взгляд, законопроектом достаточно спорно урегулирован вопрос доставки юридически значимого сообщения. Так, юридически значимые сообщения, с которыми трудовое законодательство или трудовой договор связывают возникновение, изменение или прекращение трудовых отношений, влекут такие последствия для получателя соответствующего сообщения с момента его доставки, т. е. с момента возникновения возможности для ознакомления с сообщением. При этом ч. 2 ст. 15.2 проекта имеет нечеткую формулировку, которая на практике грозит возникновением спорных ситуаций, в частности, сообщение считается доставленным и в тех случаях, если оно поступило стороне трудового договора, но по обстоятельствам, зависящим от нее, не было ей вручено или сторона трудового договора не ознакомилась с ним. При этом возникают вопросы: какие обстоятельства будут считаться зависящими от воли сторон трудового правоотношения, а какие нет? Что значит — сообщение поступило, но не вручено? Спорна, на наш взгляд, формулировка и ч. 3 ст. 15.2 проекта относительно установления личности стороны трудового договора, отправившей сообщение, когда может быть использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, отправившее сообщение — совершенно неясно какие конкретные способы считать достоверными? Подобная некорректность формулировок неизбежно приведет к различной трактовке сторонами трудовых отношений поведения друг друга при обмене юридически значимыми сообщениями. Для работника предусмотрена возможность отказа в любой момент после заключения трудового договора от обмена сообщениями с помощью электронных либо иных технических средств, хотя в проекте порядок и сроки уведомления работодателя о таком решении работника не установлены. Кроме того, предлагается внести изменения в ст. 64 ТК РФ относительно того, что стороны трудового договора при его заключении должны действовать добросовестно и не допускать вступления в переговоры о заключении трудового договора или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной. Полагаем, что на практике сложно будет определить действительную «добросовестность» и доказать «заведомое отсутствие намерений». Использование таких оценочных категорий, по нашему мнению, также создаст проблемы с оценкой ситуации каждой стороной, да и при проведении переговоров, например, работник всегда может отказаться от работы в силу реализации конституционного принципа свободы труда, а работодатель чаще всего будет проводить отбор среди нескольких претендентов на ту или иную работу, соответственно, не возникнет ли автоматически по отношению к какому-либо претенденту на работу это «заведомое отсутствие намерений» со стороны работодателя заключить трудовой договор? И наконец, проект ст. 67 ТК РФ допускает возможность заключения трудового договора путем обмена сторонами с использованием электронных либо иных технических средств документами или иной информацией. При этом следует обратить внимание на то, что не указано то, как и каким образом будет подписан этот трудовой договор, будет ли использоваться электронная подпись, какого вида она должна быть, как будет устанавливаться подлинность документов и сторон трудового договора, через какие информационные

системы это должно быть осуществлено. Полагаем, что ответы на эти вопросы могли бы прояснить порядок электронного трудового договора и обмена юридически значимыми сообщениями.

Довольно долго в России шла дискуссия о введении электронных трудовых книжек и в декабре 2019 года был принят Федеральный закон N 439-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде»²⁰, в ТК РФ появилась ст. 66.1 «Сведения о трудовой деятельности». С 2020 года работодатель обязан формировать в электронном виде основную информацию о трудовой деятельности и стаже. Заметим, что законодатель не использует формулировку «электронная трудовая книжка», под ней понимается именно передача сведений о трудовой деятельности в электронной форме. Необходимо напомнить, что такая обязанность для работодателя не является новой, она предусмотрена ФЗ — № 27 от 1 апреля 1996 г. «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования», по которому информация о трудовой деятельности работника передается в ПФР. Система персонифицированного учета за многие годы доказала свою надежность и полноту информации, подтвердила свой статус гаранта сохранения стажа работника и поэтому вполне понятно, что законодатель решил осуществить переход на электронные трудовые книжки именно через ПФР. Кроме того, во многих странах мира практически полная информация о человеке, в том числе и о его труде, давно уже переведена в «цифру», к примеру, даже в странах бывшего СССР, например, в Латвии с 2014 года используется подобие электронной трудовой книжки, но называются они налоговыми книжками, а в Беларуси вопрос о необходимости введения электронных трудовых книжек стал актуальным с 2018 года (Kholodionova, 2021). Итак, ст. 66.1 ТК РФ уточняет, что работодатель в электронной форме передает в ПФР информацию о работнике, месте его работы, его трудовой функции, переводах работника на другую постоянную работу, об увольнении работника с указанием основания и причины прекращения трудового договора. Считаем пробелом указанной нормы отсутствие обязанности работодателя по передаче информации о награждениях и поощрениях работника, которые во многих случаях имеют важное юридическое значение для трудовых отношений, в частности, определенные награды дают возможность претендовать на более высокие должности, нежели только сведения о занимаемой должности и стаже. Поэтому считаем целесообразным включить в перечень сведений о трудовой деятельности работников информацию о награждениях. Указанным законом была предусмотрена обязанность работодателя по информированию работников о необходимости перехода на электронный порядок учета их сведений о трудовой деятельности. Так, до 2021 года работники должны были определиться с форматом ведения сведений о трудовой деятельности и если все-таки работник пожелал оставить бумажную трудовую книжку, то для него работодатель будет вести оба их варианта. Но те работники, которые впервые трудоустраиваются с 2021 года и позже автоматически будут подлежать электронному учету сведений об их трудовой деятельности. Работники, отказавшиеся от электронных трудовых книжек либо, которые в силу уважительности причин (отпуск, болезнь и т. п.) не смогли принять решение до 2021 года, смогут перейти на ведение сведений о трудовой деятельности в электронном виде позже в любое время по их заявлению. Большим преимуществом является то, что работник, согласившийся на электронную трудовую книжку, может получить сведения о своей трудовой

²⁰ Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде», Собрание законодательства Российской Федерации 2019, № 439-ФЗ. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201912160070>

деятельности разными удобными для него способами: у работодателя по последнему месту работы, в МФЦ, в ПФР или на едином портале Госуслуг. При этом работодатель выдает работнику бумажную трудовую книжку на руки с записью о том, что теперь сведения о его трудовой деятельности ведутся в электронном виде. Соответственно в такой ситуации работодатель освобождается от ответственности за ведение и хранение бумажных трудовых книжек.

На работодателе лежит ответственность предоставить информацию работнику о его трудовой деятельности любым способом, указанным в заявлении работника (заверенные надлежащим образом — в бумажной форме или в электронном виде) в период работы не позднее трех рабочих дней со дня подачи этого заявления, а при увольнении в день прекращения трудового договора. Напомним, что за задержку выдачи трудовой книжки (равно как и сведений о трудовой деятельности) на работодателя возлагается материальная ответственность в силу ст. 234 ТК РФ за незаконное лишение работника возможности трудиться, но с учетом того, что сведения о трудовой деятельности работник может получить не только от работодателя, то есть основания полагать, что количество трудовых споров о привлечении работодателя к материальной ответственности будет снижаться. С учетом уже имеющейся практики перехода на электронный учет сведений о трудовой деятельности, с марта 2021 года предоставлено право лиц, имеющих стаж работы до 1 января 2020 года обратиться в ПФР с заявлением о включении этой информации в базу ПФР, если об этом периоде работы содержатся записи в трудовой книжке. Достаточно просто исправление ошибок при электронном учете сведений о трудовой деятельности. Так, если работник обнаружил неверную или неполную информацию о своей трудовой деятельности, представленной работодателем в ПФР, он должен обратиться по этому поводу с письменным заявлением к работодателю, а тот обязан исправить выявленные ошибки. При этом ст. 66.1 ТК РФ не устанавливает сроки, в течение которых работодатель после поступления от работника такого заявления должен внести коррективы и сообщить достоверную информацию о трудовой деятельности работника в ПФР, что является определенным пробелом. Полагаем, что в ст. 66.1 ТК РФ необходима конкретизация срока исправления ошибочной информации, переданной в ПФР работодателем.

Несомненно, введение электронного формата учета сведений о трудовой деятельности имеет огромные плюсы: быстрота и разнообразие способов их получения, снижение затрат работодателя на ведение бумажного документооборота, возможность корректировки ошибок, сохранность информации, возможность осуществления без предоставления документации на бумажных носителях статистического учета, отчетности, проведения проверочных мероприятий и т. п. Но вместе с тем, реальность нашей жизни в том, что не каждый работодатель с технической точки зрения готов к введению электронного документооборота, а часть работников морально не готовы к такому переходу.

При всех очевидных плюсах можно отметить наличие некоторых проблем, связанных с электронным кадровым оборотом и электронными трудовыми книжками. Так, мы поддерживаем опасения, высказанные некоторыми учеными относительно угрозы разглашения и утраты персональных данных о трудовой деятельности работников, а также о необходимости повышения квалификации работников кадровых служб. В этой связи считаем, что повышение «электронной» грамотности важно и для рядовых работников, так как сведения о трудовой деятельности в электронной форме, передаваемые работодателем в ПФР, несомненно, нуждаются в периодическом контроле со стороны самого работника. Если у молодого поколения работников проблем с использованием электронных ресурсов практически не возникает, то у зрелых и пожилых работников — они очевидны, для них целесообразно каждому работодателю,

применяющему электронный документооборот, провести обучающие курсы, с тем, чтобы любой работник мог смело и уверенно пользоваться новыми технологиями и проверять сведения о своей трудовой деятельности с целью минимизации риска потери в будущем социальных гарантий, связанных с подсчетом продолжительности стажа и правом на пенсионное обеспечение. Нельзя не учитывать наличие «определенного недоверия наших граждан к электронному документообороту» (Kurennoy & Kostyan, 2019), поэтому каждый работник должен иметь право выбора: оставить себе бумажную трудовую книжку или перейти на электронную. Впрочем, эта альтернатива предоставлена ТК РФ.

Еще одной из проблем мы видим то, что на сегодняшний день ТК РФ не каким образом не регулирует порядок создания и численный состав кадровых служб работодателя, хотя порядок ведения кадрового делопроизводства с каждым годом усложняется и меняется, что требует не только наличия грамотных квалифицированных работников в отделах кадров, но и правового регулирования порядка создания таких подразделений. Заметим, что в отдельных случаях ТК РФ регулирует условия формирования отдельных структурных подразделений в зависимости от численности работников у того или иного работодателя, например, службы охраны труда, а вот вопросы формирования кадровых служб пока законодателем не урегулированы. Думается, что механизм определения порядка формирования кадровых служб аналогичный службе охраны труда можно было бы установить в ТК РФ.

В 2020 году, осложненном эпидемиологическими ограничениями, был предпринят эксперимент по использованию на добровольной основе отдельными работодателями и работниками электронных документов, связанных с работой без дублирования на бумажном носителе²¹. Основная цель этого эксперимента состоит в том, чтобы оценить созданные условия для использования в сфере трудовых отношений электронных документов, связанных с работой, включая обмен информацией в форме электронных документов, связанных с работой (не касаясь электронных трудовых книжек), между работодателем, работником и лицом, поступающим на работу и, соответственно, в дальнейшем — подготовить предложения по совершенствованию законодательства в этой сфере. Касается это документов, составленных в бумажной форме, с которыми работник должен в силу норм действующего законодательства быть ознакомлен под подпись. Для работника участие в этом проекте — дело добровольное, за отказ от участия в нем он не может быть уволен по инициативе работодателя, а также за отказ от продолжения работы в связи с изменением определенных сторонами условий трудового договора (по п. 7 ч. 1 ст. 77 ТК РФ), а значит, ему гарантируется сохранение места работы и должности. Электронный документооборот должен осуществляться не только через специальную информационную систему, действующую у работодателя, но и через портал «Работа в России» с использованием сторонами трудовых отношений электронных подписей. Срок эксперимента продлен до 15 ноября 2021 года. Перечень работодателей, участвующих в этих мероприятиях достаточно широкий и по состоянию на 1 декабря 2020 года в него вошли порядка 400 работодателей²², которые ежеквартально предоставляют отчетность об участии в эксперименте, на основе которой будет определяться целесообразность и эффективность такой системы. Уже сейчас можно сказать, что промежуточные результаты указанного эксперимента, а также порядок его осуществления,

²¹ Федеральный закон «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой» от 24.04.2020 № 122-ФЗ. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240028>

²² Приказ Минтруда России от 01.12.2020 № 847 «О внесении изменений в перечень работодателей — участников эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой, утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 14 мая 2020 г. № 241».

предусмотренный ФЗ № 122 легли в основу последующих проектов по совершенствованию трудового законодательства, в частности, тех из них, которые появились в апреле 2021 года. Так, появился законопроект от 29 апреля 2021 года «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (в части регулирования электронного документооборота в сфере трудовых отношений)»²³, которым предлагается внести в ТК РФ ст. 22.1 «Электронный документооборот в сфере трудовых отношений». Итак, законодатель предлагает под электронным документооборотом в сфере трудовых отношений (далее — электронный документооборот) понимать создание, использование и хранение работодателем, работником или лицом, поступающим на работу, документов, оформленных в электронном виде без дублирования на бумажном носителе (далее — электронные документы). Примечательно, что законодатель сохраняет альтернативу, предоставляет право выбора обеим сторонам трудовых отношений. При этом работодатель не обязан, а вправе перейти на электронный документооборот, приняв по этому поводу соответствующий локальный нормативный акт, урегулировав в нем порядок его введения и сроки. Работодатель обязан уведомить работника о введении электронного документооборота, а работник может в любое время (как установленное локальным актом, так и позднее) подать заявление о согласии на такой переход. Если большинство работников (более 50 %) согласны на переход, то система электронного документооборота может быть распространена на всех работников в порядке, предусмотренном локальным нормативным актом. Указанная норма позволит работодателю достаточно оперативно ввести систему электронного документооборота, даже если часть работников не согласна на это. Важно обратить внимание на то, что работник в установленном локальным нормативным актом, но не позднее одного месяца со дня уведомления о переходе на электронный документооборот, вправе отказаться от «электронного общения» с работодателем, написав по этому поводу заявление. Проектом урегулировали статус «молчунов», если после уведомления о переходе на электронный документооборот работники в установленный срок не обратились к работодателю с заявлением об отказе на такой переход (промолчали), то считается, что они согласились с порядком введения электронного документооборота. Исключением могут быть уважительные причины, которые не позволили работнику в установленный срок обратиться с заявлением об отказе.

В проекте 2021 года указано два способа введения электронного документооборота для сторон трудового отношения либо через единую цифровую платформу «Работа в России» и систему ЕСИА; либо через информационную систему работодателя. Примечательно, что теперь документы, необходимые при заключении трудового договора допустимо подавать и в электронной форме с согласия работодателя, если иное не предусмотрено законодательством РФ. Большим плюсом считаем то, что проект четко указывает исчерпывающий перечень документов, при оформлении которых работодатель всегда должен использовать УКЭП, а работнику при ее отсутствии в этих же случаях можно воспользоваться и УНЭП:

- трудовой договор и изменения к нему;
- договор о материальной ответственности изменения к нему;
- ученический договор изменения к нему;
- договор на получение образования без отрыва или с отрывом от работы изменения к нему;
- заявление на увольнение;
- приказ (распоряжение) о применении дисциплинарного взыскания;

²³ Проект Федерального закона № 1162885-7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (в части регулирования электронного документооборота в сфере трудовых отношений)». <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1162885-7>

- допуск к работе по охране труда;
- акт о несчастном случае на производстве по форме Н-1;
- согласие на перевод;
- ознакомление с приказом (распоряжением) об увольнении с работы;
- уведомление об изменении условий трудового договора;
- отзыв заявления об увольнении.

Для взаимодействия сторон трудовых отношений через единую цифровую платформу «Работа в России» работодатель может использовать УНЭП, а работник — простую ЭП. С учетом уже имеющегося опыта, в новом законопроекте также предлагается принять локальный нормативный акт, но его содержание более детально раскрыто, в частности, уточнен не только сам порядок электронного документооборота, но и сроки уведомлений, ознакомлений, порядок проведения инструктажа, их периодичность, порядок взаимодействия с представительными органами работников и т. п. Гарантируется хранение электронных документов не только через систему работодателя, но и с помощью единой цифровой платформы «Работа в России», где через личный кабинет будет возможность их быстрого получения. Для работодателя установлен трехдневный срок на предоставление необходимых работнику копий документов, заверенных в установленном порядке. Работнику предоставлено право подачи любых заявлений в адрес работодателя через единую цифровую платформу «Работа в России», которые будут считаться полученными работодателем на следующий рабочий день после их направления.

Таким образом, введение электронного документооборота повысит оперативность оформления официальных трудовых отношений, а работники смогут без личного посещения отдела кадров подписывать необходимые документы электронной подписью и иметь быстрый доступ к кадровым документам. Думается, что реализация поставленных задач по цифровизации трудовых отношений позволит обеспечить межведомственное взаимодействие, создаст условия для проведения контроля и формирования отчетности, а также будет направлено на профилактику правонарушений в сфере наемного труда.

Говоря о введении «цифры» в сфере наемного труда нельзя не затронуть труд дистанционных работников, правовое регулирование которых впервые появилось в ТК РФ в Главе 49.1. «Особенности регулирования труда дистанционных работников» в апреле 2013 года и продолжает совершенствоваться. Напомним, что ТК РФ впервые именно для «дистанционщиков» предусмотрел возможность использование электронного документооборота. На фоне пандемии стороны трудовых отношений активно использовали такой вид взаимоотношений и практика показала наличие массы неурегулированных вопросов, попытка устранения которых была предпринята в декабре 2020 года посредством принятия Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ²⁴. Полагаем, что такая форма занятости работников будет популярна достаточно долгий период, что связано с возможным чередованием ослабления и усиления противоэпидемических мероприятий, а также сокращением расходов работодателя на содержание стационарных рабочих мест. Итак, с 2021 года законодатель использует как синонимы дистанционную и удаленную работу, под которой понимается выполнение определенной трудовой договором трудовой функции вне места нахождения работодателя (его структурного подразделения, стационарного рабочего места и т. п.) при условии использования информационно-телекоммуникационных сетей, в т. ч. сети «Интернет», и сетей связи общего пользования.

²⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях», Собрание законодательства Российской Федерации 2020, № 407.

Мы поддерживаем мнение (Eremina, 2020) ученых о том, что дистанционная или удаленная работа — это именно способ выполнения трудовой функции работника вне места расположения работодателя с помощью информационных телекоммуникационных сетей, а не режим труда.

Стать дистанционным работником можно несколькими способами:

- заключить трудовой договор о дистанционной работе;
- заключить дополнительное соглашение о дистанционной работе к уже действующему классическому трудовому договору, т.е. изменить условия действующего трудового договора;
- в силу локального нормативного акта работодателя.

С января 2021 года возможно несколько вариантов выполнения дистанционной работы:

- 1) на постоянной основе (в течение срока действия трудового договора);
- 2) временно (непрерывно в течение определенного трудовым договором или дополнительным соглашением срока, не превышающего 6 (шесть) месяцев);
- 3) комбинированно, т.е. при чередовании периодов выполнения работы дистанционно и на стационарном рабочем месте;
- 4) временный перевод по инициативе работодателя в порядке, предусмотренном ст. 312.9 ТК РФ (без согласия работника в исключительных случаях) (Kudashkin & Potapov, 2021).

Для дистанционных работников трудовой договор, дополнительные соглашения к нему могут заключаться путем обмена электронными документами, но работодатель по-прежнему по письменному заявлению не позднее трех рабочих дней со дня его получения обязан направить работнику оформленный надлежащим образом экземпляр трудового договора или дополнительного соглашения к нему на бумажном носителе. Для работника также предусмотрена обязанность по требованию работодателя представить ему нотариально заверенные копии документов, необходимых для приема на работу (ст. 65 ТК РФ) на бумажном носителе. В связи с чем, работник несет расходы, связанные с оформлением документов у нотариуса, а вопрос об их компенсации ТК РФ пока не урегулировал. Полагаем на практике между сторонами трудового договора может встать вопрос о порядке компенсации затрат работника на оформление документов через нотариуса, поэтому стороны вполне могут оговорить порядок компенсации расходов, связанных с приемом на работу, по обоюдному согласию непосредственно в трудовом договоре или дополнительном соглашении к нему до урегулирования этого вопроса законодателем.

На основе анализа практики применения дистанционного труда, в том числе и в период пандемии, законодатель уточнил порядок взаимодействия через электронный документооборот между работником и работодателем, в частности, теперь регламентируется вопрос об использовании электронной подписи. Так, при составлении наиболее важных документов в электронном виде (при заключении трудовых договоров, дополнительных соглашений к ним, договоров о материальной ответственности, ученических договоров, их расторжении) работодатель обязан использовать УКЭП, для работника при ее отсутствии допустимо использование усиленной неквалифицированной электронной подписи УНЭП, порядок получения которой гораздо проще. Во всех остальных случаях возможно использование других видов электронной подписи либо форма взаимодействия, позволяющая обеспечить фиксацию факта получения работником и (или) работодателем документов в электронном виде, может быть предусмотрена коллективным договором, локальным нормативным актом, трудовым договором или дополнительным соглашением к нему.

Полагаем, что с практической точки зрения наиболее эффективным и распространенным из перечисленных способов оформления взаимодействия работника и работодателя

является локальный нормативный акт, который принимается с учетом мнения представительного органа работников. Одним из наиболее важных преимуществ использования такого варианта взаимодействия является возможность работодателя в кратчайшие сроки и в одностороннем порядке изменять регламент, форму и сроки электронного взаимодействия с работником без получения его согласия и лишь с учетом мнения представительного органа работников.

В этой связи считаем необходимым подробнее остановиться на том, какие вопросы следует отразить в локальном нормативном акте о взаимодействии работодателя и дистанционных работников, что позволит на практике минимизировать возможности игнорирования норм трудового законодательства и злоупотребления правом сторонами трудовых отношений. Предлагаем классифицировать на две группы вопросы, которые необходимо урегулировать в локальном акте: 1 — необходимые для включения в локальном акте в силу ТК РФ; 2 — направленные на обеспечение эффективности управления и формирования правовой позиции работодателя в случае трудового спора с дистанционным работником.

Кратко остановимся на некоторых аспектах относительно содержания локального нормативного акта о взаимодействии сторон трудового договора в электронной форме.

Во-первых, считаем, что в локальном акте целесообразно урегулировать порядок, способ (например, через систему электронного документооборота работодателя) и срок направления подтверждения о получении документов каждой из сторон при электронном взаимодействии.

Во-вторых, необходимо обозначить форму ознакомления дистанционного работника с локальными нормативными актами, приказами работодателя и другими документами, с которыми он должен быть ознакомлен, в т. ч. под роспись. Следует обратить внимание на то, что ТК РФ не запрещает в локальном нормативном акте установить любую форму ознакомления работника с такими документами, например, по электронной почте или под роспись.

В-третьих, важно в локальном нормативном акте определить форму предоставления дистанционным работником различных заявлений, объяснений или иной информации работодателю. Ряд авторов совершенно справедливо предлагают закрепить в локальном нормативном акте, например, при привлечении работника к дисциплинарной ответственности, обязанность работника при запросе работодателем письменного объяснения работника в электронной форме, подтвердить получение такого запроса путем направления письма-подтверждения по электронной почте в адрес непосредственного руководителя и начальника отдела кадров в день его получения и предоставить в течение двух рабочих дней скан-копию собственноручно подписанных письменных объяснений, направленных по электронной почте в адрес указанных лиц (Kudashkin & Potapov, 2021). Законодатель установил трехдневный срок на предоставление работодателем по письменному заявлению работника (включая электронную форму) заверенных надлежащим образом копий документов, связанных с работой, которые могут быть предоставлены как в бумажной, так и в электронной форме. Положительно то, что законом закреплена альтернатива формы получения указанных документов и работнику принадлежит право определения этой формы.

В-четвертых, в локальном акте (равно как и в коллективном договоре, трудовом договоре или дополнительном соглашении к нему) обязательно должны быть определены порядок и сроки предоставления работником отчетов о выполненной работе, что важно для определения правомерности действий работника и качества выполняемой им трудовой функции.

В-пятых, целесообразно подробно указать режим рабочего времени, в т. ч. рабочее время, в течение которого работники должны быть доступны для связи с работодателем,

а при периодическом привлечении работника к дистанционной работе необходимо закрепить продолжительность и периодичность выполнения трудовой функции работником дистанционно. Указанные условия особенно важно урегулировать в локальном нормативном акте (коллективном договоре), т. к. если они не будут определены на локальном уровне, то режим рабочего времени определяется дистанционным работником самостоятельно. Предоставляя такую возможность работнику, на практике мы можем столкнуться с тем, что работодатель не сможет эффективно организовать труд работников, контролировать их, соответственно ему сложно будет доказать наличие ненадлежащего исполнения работником трудовой функции при отсутствии регламентации режима труда и отдыха. Кроме того, на локальном уровне или в трудовом договоре следует определить условия и порядок вызова работодателем дистанционного работника, выполняющего дистанционную работу временно, для выполнения им трудовой функции на стационарном рабочем месте или выхода на работу такого работника по своей инициативе, что также позволит работодателю надлежащим образом организовать порядок работы в комбинированном режиме, когда часть коллектива трудится на стационарных рабочих местах, а другая часть — дистанционно. Важнейшая социальная гарантия закреплена в ТК РФ относительно того, что все время взаимодействия работника с работодателем считается рабочим временем. В связи с чем превышение продолжительности рабочего времени за учетный период свыше 40 часов в неделю дает основания работнику требовать повышенной оплаты труда как при сверхурочной работе. При этом сам дистанционный труд не может быть основанием для снижения заработной платы работника.

В-шестых, в связи с тем, что для дистанционных работников работодатель также обязан создать все необходимые условия труда, в т. ч. и за пределами стационарного рабочего места, включая необходимое оборудование, программно-технические средства, средства защиты информации и иные, допускается использование дистанционным работником с согласия или ведома работодателя собственного оборудования, но при этом на локальном уровне или в трудовом договоре следует предусмотреть порядок и размеры компенсаций работнику затрат за износ и использование принадлежащих ему программно-технических средств.

И, наконец, на локальном уровне необходимо закрепить важнейшие положения относительно временного перевода работников на дистанционную работу в исключительных случаях. Обращает на себя внимание тот факт, что законодатель предусмотрел возможность временного перевода на дистанционную работу по инициативе работодателя без согласия работника не только при форс-мажорных обстоятельствах (аварии, катастрофы, пожары, эпидемии и т. п.), но и при принятии соответствующего решения органом государственной власти и (или) органом местного самоуправления. Нет сомнений в том, что такие изменения в ТК РФ связаны с опытом работы в период ограничений при эпидемии Covid-19. При этом работнику гарантируется предоставление соответствующего оборудования или компенсация расходов за использование собственного, а при необходимости — обучение по его использованию. Вероятность возврата к ограничительным мероприятиям в связи с эпидемией остается и именно поэтому законодатель детализирует то, что необходимо урегулировать при временных переводах на дистанционную работу в локальном нормативном акте: основания (обстоятельства) для перевода; список работников, временно переводимых на дистанционную работу; срок перевода (но не более чем на период наличия обстоятельств, послуживших основанием для принятия работодателем решения о временном переводе работников на дистанционную работу); порядок обеспечения работников оборудованием, порядок выплаты компенсации за использование личного имущества работника, а также порядок возмещения других расходов, связанных

с выполнением трудовой функции дистанционно; порядок организации труда (режим рабочего времени, включая периоды взаимодействия работника и работодателя (в пределах рабочего времени, установленного правилами внутреннего трудового распорядка или трудовым договором), порядок и способ взаимодействия (если есть возможность достоверно определить лицо, отправившее сообщение и другую информацию), порядок и сроки представления отчетов о выполненной работе); иные положения, связанные с организацией труда работников, временно переводимых на дистанционную работу.

Хотелось бы напомнить, что работодатель при временных переводах на дистанционную работу обязан ознакомить работника с соответствующим локальным нормативным актом способом, позволяющим достоверно подтвердить получение работником такого локального нормативного акта. Для дистанционных работников, в том числе временно переведенных на такую работу сохраняются основные гарантии, связанные с предоставлением отпуска, направлением в командировку, оплатой труда, охраной труда, по окончании срока такого перевода работодатель обязан предоставить работнику прежнюю работу, а работник обязан приступить к ней. При этом изменения в трудовой договор не вносятся. Кроме того, законодатель допускает в двух случаях возможность введения простоя по приказу работодателя с оплатой в размере 2/3 от тарифной ставки (оклада): 1 — если специфика работы не позволяет осуществить временный перевод; 2 — если работодатель не может обеспечить работника необходимым оборудованием. Однако на локальном уровне в таких случаях могут быть предусмотрены более высокие размеры оплаты времени простоя.

Считаем, что закрепив вышеуказанные положения в локальном нормативном акте, работодатель сможет минимизировать количество разногласий с работником.

В завершении вопроса о дистанционном труде нельзя не коснуться особенностей прекращения трудового договора с дистанционным работником. Ранее до 2021 года в трудовом договоре с дистанционным работником могли быть предусмотрены дополнительные основания прекращения трудового договора по инициативе работодателя, не установленные ТК РФ. Однако с 2021 года такие положения исключены, в связи с тем, что предоставление работодателю такого права на практике привело к значительной дискриминации дистанционных работников²⁵. Итак, помимо общих оснований прекращения трудового договора для дистанционных работников с 2021 года действуют два дополнительных основания расторжения по инициативе работодателя: 1 — если дистанционный работник не взаимодействует с работодателем по вопросам выполнения трудовых обязанностей в течение двух дней подряд без уважительных причин со дня поступления запроса работодателя; 2 — при изменении работником, выполняющим дистанционную работу на постоянной основе, местности выполнения трудовой функции, если это влечет невозможность исполнения им обязанностей по трудовому договору.

Заметим, что последнее из оснований расторжения трудового договора затрагивает только «постоянных дистанционщиков» и не касается, работающих дистанционно на временной основе или периодически.

В завершении нашего исследования можно отметить, что уже сейчас для дистанционных работников значительно расширены возможности использования электронного документооборота в трудовых отношениях, предоставлена возможность реализации различных видов «удаленки» (постоянно, временно, с вызовом на стационарные рабочие места), работодателю дано право в исключительных случаях решать вопрос о переводе на дистанционную работу

²⁵ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы». <https://sozd.duma.gov.ru/bill/973264-7>

в одностороннем порядке без согласия работника и без заключения дополнительных соглашений с ним, предоставлены широкие полномочия по детализации порядка дистанционной работы на локальном уровне, закреплены основные социальные гарантии для дистанционных работников (по ограничению рабочего времени, оплате труда, предоставлению компенсаций т. п.).

Несомненно, все законотворческие инициативы направлены на обеспечение задач государства по внедрению цифровых технологий во все сферы общественной жизни, в том числе и в трудовых отношениях и в конечном итоге — на достижение оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений и интересов государства.

References / Список литературы:

1. Vasilyev, M. V. (2013). K voprosu o ponyatii “informatsiya” v trudovom prave i yego znachenii [On a definition of information in labor law and its significance]. *Kazanskaya Nauka*, (10), 196–199. https://repository.kpfu.ru/?p_id=72354
2. Dun, L., Yuan, G., & Lunqu, Y. (2020). The age of digitalization: Tendencies of the labor market. *Digital Law Journal*, 1(3), 14–20. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2020-1-3-14-20>
3. Dvořák, M., Rovný, P., Grebennikova, V., & Faminskaya, M. (2020). Economic impacts of COVID-19 on the labor market and human capital. *Terra Economicus*, 18(4), 78–96. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2020-18-4-78-96>
4. Eremina, S. N. (2020). Udalennaya rabota v usloviyakh rasprostraneniya COVID-19 [Remote work in conditions of COVID-19 spread]. *Trudovoye Pravo v Rossii i za Rubezhom*, (3), 8–11.
5. Filipova, I. A. (2020). Trudovoye pravo: Vyzovy informatsionnogo obshchestva [Labour Law: Challenges of Digital Society]. *Pravo. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki*, (2), 162–182. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.2.162.182>
6. Kudashkin, A. V., & Potapov, A. V. (2021). Ob izmenenii poryadka regulirovaniya distantsionnoy raboty v Rossii [On changing the procedure for regulating teleworking in Russia]. *Oborono-Promyshlennyy Kompleks: Upravleniye, Ekonomika i Finansy, Pravo. Prakticheskiy Zhurnal Dlya Rukovoditelya i Spetsialista*, (2), 90–99.
7. Kurennoy, A. M., & Kostyan, I. A. (2019). Tsifrovaya ekonomika i trudovyye otnosheniya (problemy vvedeniya elektronnoy dokumentooboroty) [Digital economy and labor relations (problems of introducing electronic document management)]. In E. B. Lauts (Ed.), *Modern information technology and law* (pp. 55–67). Statute.
8. Lushnikova, M. V., & Lushnikov, A. M. (2004). Pravo na informatsiyu sub“yektov trudovogo prava [The right to information of subjects of labor law]. *Gosudarstvo i Pravo*, (6), 42–48.
9. Lyutov, N., & Voitkovska, I. (2021). Remote work and platform work: The prospects for legal regulation in Russia. *Russian Law Journal*, 9(1), 81–113. <https://doi.org/10.17589/2309-8678-2021-9-1-81-113>
10. Mal'tsev, A. A., & Mal'tseva, V. A. (2020). Tsifrovizatsiya ekonomiki v kontekste realizatsii Tseyley ustoychivogo razvitiya: Obzor klyuchevykh ekspertnykh dokladov 2019 [Digitalization of the economy in the context of the implementation of the sustainable development goals: An overview of key expert reports in 2019]. *Vestnik Mezhdunarodnykh Organizatsiy*, 15(4), 189–195. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-09>
11. Potapova, N. D. (2008). Obshchaya kharakteristika kontseptual'nykh polozheniy po problemam yedinstva i differentsiatsii v pravovom regulirovanii trudovykh otnosheniy [General characteristics of conceptual provisions on the problems of unity and differentiation in the legal regulation of labor relations]. *Aktual'nyye Problemy Rossiyskogo Prava*, 3(8), 213–219.
12. Potapova, N. D. (2013). K voprosu o tendentsiyakh metoda trudovogo prava [On the method of trend labor law]. *Zakon i Pravo*, (9), 60–62.

13. Potapova, N. D. (2014). Ob osobennostyakh metoda trudovogo prava [Peculiarities of the method of labour law]. *Trud i Sotsial'nyye Otnosheniya*, (4), 96–100.
14. Potapova, N. D., & Potapov, A. V. (2017). Elektronnyy trudovoy dogovor [Electronic labor contract]. *Zakon i Pravo*, (8), 52–53.
15. Raudshteyn, A. V. (2010). Informatsionnyye otnosheniya v sfere truda: Ponyatiye i kharakteristika [Information relations in the world of work: Concept and characteristics]. *Rossiyskiy Yuridicheskiy Zhurnal*, (6), 152–159.
16. Savoskin, A. V., & Rozhkova, N. A. (2021). Tsifrovizatsiya goskompaniy [Digitalisation of state companies]. *Digital Law Journal*, 2(1), 83–93. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-1-83-93>
17. Savich, V. I. (1986). *Upravleniye trudom i trudovoye pravo* [Labor management and labor law]. Tomsk University Press.

Сведения об авторах:

Потапова Н. Д. — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и трудового права Северо-Западного института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Вологда, Россия.

27911131@mail.ru

Потапов А. В.* — аспирант Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

potapov_a.v@inbox.ru

Information about the authors:

Natalya D. Potapova — Ph.D. in Law, associate professor Head of the department of business and labor law, North-Western Institute (branch) of Moscow State University of Law named after O. E. Kutafin, Vologda, Russia.

27911131@mail.ru

Andrey V. Potapov* — Postgraduate student, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

potapov_a.v@inbox.ru

BOOK REVIEW

INTELLECTUAL PROPERTY LAW: IN THE HANDS OF ARTIFICIAL CREATOR

Nataliia V. Kozlova

Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

Review of a book

Lee, J.-A., Hilty, R., & Liu, K.-C. (Eds.). (2021). *Artificial intelligence and intellectual property*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198870944.001.0001>

Keywords

digital law, artificial intelligence, intellectual property, intellectual property law

For citation

Kozlova, N. V. (2021). Intellectual property law: In the hands of artificial creator. *Digital Law Journal*, 2(2), 65–70. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-2-65-70>

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: В РУКАХ ИСКУССТВЕННОГО ТВОРЦА

Н.В. Козлова

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1

Рецензия на книгу

Lee, J.-A., Hilty, R., & Liu, K.-C. (Eds.). (2021). *Artificial intelligence and intellectual property*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198870944.001.0001>

Ключевые слова

цифровое право, искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, право интеллектуальной собственности

Для цитирования

Козлова, Н. В. (2021). Право интеллектуальной собственности: в руках искусственного творца. *Цифровое право*, 2(2), 65–70. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2021-2-2-65-70>

Every year, digitalization covers more and more areas of social life, algorithmization expands the horizons of human capabilities, and mechanization accelerates the interaction of subjects of social relations. A growing number of innovations appears in the turnover of property; it is here that the consequences of the digital revolution most acutely affect a wide range of persons participating in it. Should the conservative civil law regulation of property and personal non-property relations change under the pressure of digital technologies? Should we destroy the foundations and institutions tested by many years of experience in social communication, or will the existing civil law norms be able to withstand change, only requiring a little adaptation to new circumstances?

All these issues are even more relevant in the field of intellectual activity and the protection of intellectual property. One of the challenges is related to the development and implementation of artificial intelligence. Significant advances in the creation of algorithmic software raise the question of the possibility of legal protection of the results of its activities. The merit of the first comprehensive and multifaceted study of this problem belongs to the authors of the recently published monograph “Artificial Intelligence and Intellectual Property” by Oxford University Press, which is reviewed in this article.

This monograph was prepared in a truly international vein and is the result of the collaborative efforts of authors from the academic schools of the Asian Center for Intellectual Assets and Law, the School of Law of the Singapore Management University, the Chinese University of Hong Kong Faculty of Law, and the Max Planck Institute for Innovation and Competition. This circumstance, of course, is an advantage of this publication, since it has allowed the authors to look at the problems of intellectual property law and the introduction of artificial intelligence into the legal field from global and comparative legal perspectives.

The content of the book is clearly structured. It consists of seven parts, each of which presents a separate semantic block and covers a specific problem area. Together, the parts of the book form a comprehensive picture of the issues associated with the role of artificial intelligence and the recognition of intellectual rights. Each part includes from two to three chapters, tackling the question stated in the title of the corresponding part from different sides. The presentation of the main parts is preceded by a foreword by the executive editors Jyh-An Lee, Reto M. Hilty, and Kung-Chung Liu, who, by formulating a roadmap for studying the relevant problems, show the logic of the presentation of the material in the monograph and briefly present each article.

The first part is intended to draw the readers’ attention to the basics of interaction between AI, technological innovation, and business. It is the “common part” of the study in question.

To determine the optimal model for regulating public relations, it is necessary to understand the potential of AI, as well as the essence and limits of the opportunities it provides. Therefore, the reasoning of Anthony Man-Cho So is extremely relevant. The first chapter of the book acquaints readers with the functionality of artificial intelligence technologies or algorithmic machine learning of our time. The key issue that the author concentrates on is the possibility of independent thinking and the creativity of human-developed algorithms when solving various problems. Based on real-life examples — in particular, on the experience of Amazon in using the personnel-recruiting program — the author demonstrates a whole range of tasks implemented by such programs; the author concludes that it would be somewhat premature to call them artificial intelligence. Today, technologies are not able to fully take into account many ethical or legal aspects of the field of activity in which they operate. By identifying the numerous possibilities of machine learning algorithmic software, the author recognizes the potential for them that has yet to be realized.

The second chapter, authored by Ivan Khoo Yi and Andrew Fang Hao Sen, is a logical continuation of the introduction to the problem of using artificial intelligence technologies in modern society. The authors aim to track how AI was introduced in such a specific public sphere as healthcare, and to establish the depth of its implementation. Researchers study the issue systematically — from the standpoint of each participant in the public relations of a given market (service providers, patients, pharmaceutical companies, financial organizations, main regulators) — at the macro and micro levels. As healthcare automation inevitably raises legal and ethical issues of medical intervention, the authors' observations contribute significantly to the debate that has raged since Hippocrates' times.

In the third chapter of the book, Reto M. Hilty, Jörg Hoffmann, and Stefan Scheuerer somewhat deconstruct the issue of the legal regulation of public relations in the era of the development of programs capable of deep machine learning. Usually, the discussion proceeds by focusing on the need to amend the existing legal regulation in connection with the emergence of technologies previously unknown to humanity. However, the authors encourage thinking about the legal protection of artificial intelligence itself. Turning to deeply theoretical, policy, and legal arguments for the need for civil-legal protection of the results of intellectual activity, the researchers conclude that the degree to which society uses artificial intelligence distorts the incentives for the development of such programs. This transforms the usual rationale for regulator intervention into the realm of human creativity.

Having become familiar with the need for the legal protection of artificial intelligence itself, readers have the opportunity to analyze, together with Raphael Zingg, the current state of patent protection for programs with signs of artificial intelligence, applications for which have been submitted to patent offices of three jurisdictions — the United States, Europe, and Japan. Based on the statistical analysis of applications for such “triple” patents for AI, the author concludes that it is necessary to change the standards of patent protection, and formulates other theses that will be of interest to other researchers and readers.

Deep machine learning programs are iconic inventions of modern scientific thought. But what are the features of the patentability of inventions created directly by artificial intelligence itself or constructed by humans using artificial intelligence? Ichiro Nakayama has provided answers to these burning issues based on the regulatory experience of Japan. The author critically examines the explanations of the Japanese Patent Office, updated in connection with the emergence of new models of algorithmic programs, and suggests acknowledging the impossibility of restoring or describing the course of creating inventions designed in the course of the automated work of artificial intelligence.

In the next chapter, Feroz Ali takes a historical perspective on how an invention can be presented to patent offices. Having demonstrated how the presentation of a model (reduced copy) of an invention was replaced by a textual description of its main characteristics, the author predicts that the emergence of such innovations as blockchain and artificial intelligence will contribute to the introduction of a new digital form for filing a patent application, before discussing the implications of this method for the global patent system.

The third part focuses on copyright in the context of developing programs that have signs of artificial intelligence.

Andres Guadamuz, in chapter seven, explores the problem of the emergence of new copyright objects created on a neural network technology basis. The author argues how modern copyright, “programmed” for such features characterizing an object as original or the author's connection with

his work, should respond to new challenges when the connection with the author's personality becomes more and more ephemeral and the programmed mechanisms gain the ability to create. The question of whether it is possible to speak of creativity as such in the execution of artificial intelligence programs, as well as some other related problems, are considered by the researcher deeply and thoroughly.

The issues of the emergence of new ways of creating works make it necessary to conduct an examination of the already existing legal regulation for its readiness to cover new objects with the system of existing norms. Jyh-An Lee conducted such a study on the United Kingdom's Copyright, Industrial Designs and Patents Act of 1988, also known as CDPA. In chapter eight, the author accompanies his research with an analysis of relevant judicial practice, which somewhat softens the adaptation of the law adopted at the end of the 1980s to the conditions of the new reality.

The next chapter, authored by Tianxiang He, focuses on the exception to copyright protection for so-called big data. As the author writes, big data is a resource for the development of artificial intelligence. Indeed, in order to build algorithms, it is necessary to analyze a huge amount of information, the rights to which may belong to third parties. The researcher, having chosen the current copyright law of China as the object of his research, is convinced that, in order to ensure the further development of AI, it is necessary to provide for partial exceptions to the rules on the protection of intellectual rights to information contained in big data.

Benjamin Sobel, in Chapter ten, "A Taxonomy of Training Data," also looks at big data access for machine learning programs, but from a completely different perspective. The researcher sees the root of the problem not in the absence of limitations and exceptions to copyright protection, but in the reasons of a systemic nature, including the low threshold of the required originality of the work, the lack of formal procedures for providing access to big data, which are necessary for market participants. The author systemizes the copyright protection regimes for the information contained in the total volume of big data. Based on an analysis of the current European Copyright Directive in the Digital Single Market, he formulates recommendations to address the problem of coexistence and interaction between artificial intelligence and big data.

The next part examines the purely practical aspects of the administration of relations regarding the results of intellectual activity and the rights to them.

The seventh chapter, prepared by Jianchen Liu and Ming Liu, is devoted to the problem of the patentability of inventions created using programs based on the principle of artificial intelligence. Jianchen Liu and Ming Liu chose the rules of Chinese law — in particular, the manual on patent examination of Chinese patent offices — as an empirical basis for their research. Patentability issues are viewed from the perspective of the patent office, whose purpose is to administer the process of examining a patent application. It is interesting to compare the authors' practice-oriented positions with the theoretical conclusions of Ichiro Nakayama, who analyzes the corresponding Japanese regulation (chapter five of the book).

Anke Moerland and Conrado Freitas explored the practice of using artificial intelligence to analyze trademark filings in the next chapter. It is noteworthy that the authors reviewed the existing positive experience of using this technology by such organizations as the World Intellectual Property Organization, the European Intellectual Property Office, the Australian Intellectual Property Office, etc. The applied methodology revealed the strengths and weaknesses of the use of artificial intelligence in this area.

Daniel Seng, in the chapter "Detecting and Prosecuting IP Infringement with AI: Can the AI Genie Repulse the Forty Counterfeit Thieves of Alibaba?", examines the issues of liability for copyright

infringement, including the possibility of using artificial intelligence-driven programs to detect copyright and trademark infringements in the online environment. The author analyzed a number of legal acts of the European Union and formulated proposals for their improvement in order to make the fullest possible use of artificial intelligence for the protection of intellectual rights.

The fifth part is devoted to the political and legal aspects necessary for any lawful protection of new generation software.

Hao-Yun Chen, in the chapter “Copyright Protection for Software 2.0?”, emphasizes the specific features of software created on the basis of neural networks, which include the ability to make subsequent automatic changes by the program itself, subject to access to data for encoding. These features give rise to some concerns about the need to develop new legal regulation for such software, which is the purpose of the author’s research to dispel or confirm.

According to Peter R. Slowinski’s opinion, outlined in the next chapter, the emergence of such neural network-based programs presents an excellent opportunity to rethink and change the existing regime of intellectual property rights in software. The author, taking full advantage of the opportunity provided, predicts the optimal models of legal software regimes in connection with the development of artificial intelligence.

The sixth part of the book sets out some issues around the legal protection of data and access to them.

Kung-Chung Liu and Shufeng Zheng open the discussion on the general aspects of personal data protection. Researchers systemize the different types of data that are used in programs to build algorithms. On the basis of the classification carried out, the authors analyze the mechanisms of legal protection of these data from the point of view of copyright and ensuring access to their unhindered use.

In the next chapter, Matthias Leistner analyzes the data access problem. Particular attention is paid to the *sui generis* regime of databases existing in the intellectual property law of the member states of the European Union. The author criticizes the existing approach in the field of legal regulation of databases and suggests ways of reforming it.

The seventh and final part presents questions of a fundamental theoretical, legal, and systemic nature. The second article is devoted to the possibility of recognizing the legal personality of artificial intelligence.

Anselm Kamperman Sanders, based on the published report “Artificial Intelligence – A European Approach to Excellence and Trust”, analyzed the main concepts that emerged during the “Fourth Industrial Revolution”: the Internet of Things, artificial intelligence of things, the concept of a “digital twin”, etc. The researcher cites political and legal rationale for changes in how European jurisdictions approach the existing system of competition law norms, which have arisen due to the widespread development of artificial intelligence.

The last chapter, penned by Eliza Mik, reveals the traditional problem faced by any legal study of artificial intelligence – the issue of recognizing its legal personality. The author is critical of such theories; Mik convinces the reader that the possibility of creating an AI work with originality, novelty, or even of creative character is not an argument in favor of recognizing AI as a legal person. The author compares the concepts of “autonomy” and the “ability to create”, proving that one does not follow from the other, and proves attempts to equalize them in the legal field are doomed to failure.

Thus, the book “Artificial Intelligence and Intellectual Property” is a systematic scientific work covering the most diverse aspects of the intersection of intellectual property law and artificial

intelligence. This book can be recommended to students, graduate students, young scientists for research work, practicing lawyers, and people whose practical field meets the issues of the legal protection of the results of intellectual activity. Undoubtedly, it makes a significant contribution to the development of the theory of intellectual property law, opening up opportunities for the further development of new scientific concepts.

Information about the author:

Nataliia V. Kozlova — Dr. Sci. in Law, Deputy Dean for Research Work, Professor of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

kozlovanv@mail.ru

ORCID 0000-0003-3671-6871

Сведения об авторе:

Козлова Н. В. — доктор юридических наук, заместитель декана по научной работе, профессор кафедры гражданского права Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

kozlovanv@mail.ru

ORCID 0000-0003-3671-6871

